

10
ВОЖДЕЙ

Д. Волкогонов

ДМИТРИЙ **ВОЛКОГОНОВ**

ЛЕНИН

Дмитрий Волкогонов

Ленин

«Яуза»

Волкогонов Д. А.

Ленин / Д. А. Волкогонов — «Яуза»,

«След богочеловека на земле подобен рваной ране», – сказал поэт. Обожествленный советской пропагандой, В.И. Ленин оставил после себя кровавый, незаживающий рубец, который болит даже век спустя. Кем он был – величайшим гением России или ее проклятием? Вдохновенным творцом – или беспощадным разрушителем, который вместо котлована под храм светлого будущего вырыл могильный ров для русского народа? Великим гуманистом – или карателем и палачом? Гением власти – или гением террора?.. Первым получив доступ в секретные архивы ЦК КПСС и НКВД-КГБ, пройдя мучительный путь от «верного ленинца» до убежденного антикоммуниста и от поклонения Вождю до полного отрицания тоталитаризма, Д.А. Волкогонов создал книгу, ставшую откровением, не просто потрясшую, а буквально перевернувшую общественное сознание. По сей день это лучшая биография Ленина, доступная отечественному читателю. Это поразительный портрет человека, искренне желавшего добра, но оставившего в нашей истории след, «подобный рваной ране», которая не зажила до сих пор.

© Волкогонов Д. А.

© Яуза

Содержание

Книга I	5
Вместо введения	5
Глава 1	18
Семейная генеалогия	19
Александр и Владимир	28
Предтечи революционера	32
Открытие марксизма	37
Надежда Крупская	43
Денежные тайны	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Антонович Волкогонов

Ленин. Политический портрет

В двух книгах

Книга I

Вместо введения На экране истории

Ленин был революционер до мозга костей именно потому, что всю жизнь исповедовал и защищал целостное, тоталитарное миросозерцание...

Николай Бердяев

Тяжелая, массивная стальная дверь с трудом открылась, и мы вошли в просторный тамбур. За ней находилась еще одна, такая же бронированная дверь, ведущая к коммунистическим святыням – подлинным ленинским документам: рукописям книг, статей, докладов, записок, а также резолюций, распоряжений, постановлений, протоколов, многочисленных шифрограмм и оперативных сводок ЧК с автографами помет и замечаний Ленина. Помещение в цоколе здания бывшего Центрального партийного архива бывшей правящей партии больше похоже на атомное бомбоубежище. Здесь хранилось и хранится теоретическое, литературное и эпистолярное наследие человека, оставившего, пожалуй, самую глубокую вмятину на щите истории в XX веке. На специальных стеллажах, в специальных коробках сосредоточены все письменные следы деятеля, о котором одни говорят и сегодня как о гении, другие – как о проклятии эпохи. Здесь были сокрыты и на многие десятилетия спрятаны 3724 ленинских документа, которые никогда не были опубликованы, хотя вышло пять сочинений (одно «Полное»!) пролетарского вождя. Еще около трех тысяч документов только подписаны Лениным, но также на многие годы были замурованы в идеологическом убежище некогда всемогущей партии.

Сразу возникает вопрос: почему Ленин, которого миллионы людей в России (автор этой книги принадлежал к их числу) десятилетиями считали земным Богом, усечен, кастрирован, дозирован? Может быть, потому, что в тысячах неопубликованных документов много таких, которые поразительно быстро лишают облик вождя божественного нимба?

Например, такая записка, собственноручно написанная в ноябре 1920 года Лениным Э.М. Склянскому, заместителю Председателя Реввоенсовета, в которой он дает указания, как «наказать» Латвию и Эстонию за поддержку ими белогвардейских отрядов генерала Балаховича:

- «1) Недостаточно послать дипломатический протест.
- 2) Даже лучше отсрочить его, чтобы попытаться лучше поймать Латвию и Эстляндию.
- 3) Сугубые меры принять, дабы их поймать с поличным (т. е. собрать больше и более доказательных улик).
- 4) Принять военные меры, т. е. постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом (например, «на плечах» Балаховича перейти где-либо границу хоть на одну версту и повесить там 100–1000 их чиновников и богачей)»{1}.

А может быть, прятали подобные записки потому, что нечем было ответить на них и спустя многие годы? Например, когда большевики взяли большую группу эсеров в заложники,

которых «они беспощадно истребят», как писала «Правда», если на вождей Советов будут совершаться покушения. Петр Кропоткин писал в декабре 1920 года из подмосковного Дмитрова Ленину: «... Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам Средневековья и религиозных войн и что они недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах» {2}.

Ленин, прочтя письмо старого, больного бунтаря, начертал: «В архив», письмо Кропоткина. XII.1920». Он знал, что старик был прав, но сила, власть были теперь в руках большевиков, а моральные сентенции для Ленина при таком раскладе уже ничего не значили.

Конечно, наши взгляды на Ленина меняются не только потому, что мы узнали НЕЧТО иное, нежели нам внушали долгие десятилетия. Мы засомневались в безгрешности вождя прежде всего потому, что «дело», которое он начал и которое оплачено десятками миллионов жизней (!), огромной кровью, страданиями и лишениями великого народа, потерпело крупное историческое поражение. Об этом очень горько говорить и писать.

На опыте собственной судьбы человека, прошедшего мучительную эволюцию взглядов от сталиниста, через долгую марксистскую ортодоксию к полному отрицанию большевистской тоталитарности, скажу, что бастионы ленинизма в моем сознании пали последними. По мере ознакомления с закрытыми архивами ЦК КПСС, НКВД-КГБ, другими особыми фондами хранения, как и с документами ряда крупнейших зарубежных исторических коллекций, ленинский силуэт в сознании становился другим: творца и пророка незаметно вытеснял российский якобинец, начавший рыть глубокий могильный ров для эфемерного сияющего храма будущего. В конце концов, я понял, что никто из нас Ленина не знал; он всегда и неизменно предстал перед нами в посмертной маске земного святого. Но им он никогда не был.

Написав двухтомники о Сталине и Троцком, я приступил к заключительной части триптиха «Вожди», преисполненный желания прочесть и переосмыслить трагическую фигуру вождя октябрьского переворота, положившего начало крупнейшим переменам в России и во всем мире. Ленин всегда был многолик, но после смерти его многоликость постепенно была переведена в заданную одномерность канонизированного святого: «великий», «гениальный», «непревзойденный», «неповторимый», «мудрый», «прозорливый», «пророческий»... Чем больше и чаще мы повторяли эти превосходные эпитеты, тем дальше уходили от исторического Ленина.

Но мы не просто повторяли эти эпитеты – ленинская духовная ниша была так же обязательна для каждого советского человека, как Коран у фундаменталистов в мусульманском мире. На 1 января 1990 года произведения Ленина были изданы в нашей стране общим тиражом более 653 миллионов экземпляров на 125 языках! Возможно, это одна из немногих областей большевистского изобилия, достигнутого на рельсах коммунистического строительства... Некоторым работам особенно «повезло». Так, речь о близком коммунистическом грядущем – «Задачи Союзов молодежи» – издавалась 660 раз тиражом почти 50 миллионов экземпляров на 96 языках!

Так воспитывались миллионы догматиков. Ведь «сочинения Ленина, – писал Бердяев, – Священное Писание, а в Священном Писании все вообще вопросы должны быть предрешены» {3}.

Кроме собственно «прямого» ленинского наследия, мы как к букварям привыкли к бесчисленным сборникам типа: «Ленин о Советах депутатов трудящихся», «Ленин о национальных отношениях», «Ленин о партии», «Ленин о советской военной науке», «Ленин о культуре», «Ленин о морали»... Этот перечень я смог бы продолжать на многих страницах. По сути, Ленин с помощью правоверных ленинцев формировал у нас катехизисное, цитатное мышление. Мы еще не представляем, сколь убогими и смешными в своем идолопоклонстве будем выглядеть для людей из XXI века.

Говорить и писать о Ленине – это, прежде всего, выразить свое отношение к ленинизму. До недавнего времени все мы, обычно не осознавая, находились в этом вопросе в полном плену у «величайшего вождя времен и народов». К идеям своей лекции «Об основах ленинизма», прочитанной в 1924 году в Свердловском университете, Сталин добавил через два года такие же эклектичные и примитивные выводы очередного труда «К вопросам ленинизма», составившие в конце концов сборник «Основы ленинизма». В конечном счете, как нам долго внушали, ленинизм сводится к способности революционного слома старого мира и созиданию на его обломках новой лучезарной цивилизации. Как? Какими средствами? С помощью безбрежной диктатуры. Но именно здесь проявляется первородный грех марксизма и его ленинской версии. Хотя сам Маркс, скажем справедливости ради, совсем не увлекался идеей диктатуры. Но уже Ленин идею о диктатуре пролетариата называл главной в марксизме в вопросе о государстве. Фактически, по Ленину, диктатура пролетариата составляет основное содержание социалистической революции.

Именно в этом пункте Ленин закладывал историческую мину собственного отрицания. Его утверждения, что только «борьбой и войной» решаются «величайшие вопросы человечества», отдавали приоритеты разрушительной тенденции{4}.

Но история показала, что очень часто «величайшие вопросы человечества» как раз нельзя решить «борьбой и войной». Однако Ленин, а затем и его последователи вплоть до самого недавнего времени полагали, что во имя будущего эфемерного счастья грядущих поколений допустимо и морально все: экспорт революций, гражданские войны, безбрежное насилие, социальные эксперименты над миллионами людей. Именно здесь нужно искать генезис будущих грехов «партии нового типа», «всепобеждающей идеологии», «самого передового общественного строя». Живучесть и, надо признать, привлекательность многих постулатов ленинизма долгие десятилетия основывались на неизбывном, естественном стремлении людей к более совершенному и справедливому миру. Российские революционеры, и особенно Ленин, верно вскрывали вековые пороки человеческого бытия: эксплуатацию, неравенство, несвободу. Но, получив возможность искоренить их, люди, руководствовавшиеся ленинизмом, в конечном счете утвердили новую, государственную, едва закамуфлированную эксплуатацию; вместо социального и национального неравенства пришло неравенство сословно-бюрократическое; на смену классовой несвободе пришла несвобода идеологическая, тотальная. Перелицованный на российский манер классический марксизм, именуемый ленинизмом, материализовался в гигантской стране. Он превратился в некое подобие светской «религии». Ленинизм предстал перед историей как пестрая смесь проницательных наблюдений и вульгарных определений, односторонних оценок и жесткого реализма, замешенных на дрожжах диктатуры пролетариата и классовой борьбы.

В конечном счете ленинские обещания огромного исторического опережения обернулись огромным историческим отставанием. Предостережение, сделанное 28 октября 1917 года Плехановым, Засулич и Дейчем в их «Открытом письме к петроградским рабочим», оказалось пророческим. В письме говорилось, что «переворот – величайшее историческое бедствие, он вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко от завоеваний февраля 1917 года»{5}. Впрочем, еще накануне переворота многие большевистские руководители не верили в его успех и боялись ленинского радикализма, с маниакальным упрямством толкавшего массы на вооруженное выступление против Временного правительства. Ленин, человек с огромной волей (как и многие другие большевистские вожди), смог повернуть штурвал судьбы в сторону силового разрешения проблем мира, земли, свободы.

Суть ленинизма как способа насильственного ниспровержения (путь реформ всегда правоверными ленинцами отвергался с порога) старого социального уклада и создания нового не втискивается только в национальные рамки. С помощью Коминтерна, созданного в марте 1919 года в Москве и ставшего фактически международной секцией РКП, Ленин настойчиво

пытался инициировать революционные процессы повсюду, где только это было возможно. С этой целью в страны Востока и Запада ехали эмиссары Коминтерна, а Народный комиссариат финансов по распоряжению возглавляемого Лениным правительства выделял миллионы рублей золотом для «нужд мировой революции»{6}. А в это время в стране сотни тысяч людей гибли от голода, тифа, беженства. Но, по Ленину, революция тотальна. Она не может обходиться без жертв. Огромных жертв. Бесчисленных жертв. Поэтому, как мне представляется, политический портрет Ленина невозможно рассмотреть вне контекста реализации его взглядов как внутри страны, так и за ее пределами.

О Ленине невозможно говорить вне главного детища вождя – его партии. Без нее он просто не был бы тем Лениным, которого мы пытаемся постичь сегодня. Может быть, в ленинизме идея мощной революционной организации является центральной. Во всяком случае, «заслуги» Ленина в ее формировании однозначны и бесспорны. Будучи приверженцем сильной, законспирированной и заговорщицкой организации, Ленин не мог долго терпеть классический социал-демократизм, который противился подобным стремлениям. Главная «заслуга» Ленина заключается не только в том, что он смог создать партию с жесткой организацией, но и в том, что оказался способным быстро вмонтировать ее в государственную систему.

Уже первые заседания ЦК и Совнаркома вскоре после октябрьского переворота не оставляют сомнений в том, что партийный ареопаг под руководством Ленина решает главным образом стратегические вопросы (что не мешает ему заниматься и «мелочовкой»), а революционное правительство, даже возглавляемое Лениным, ограничивается в основном тактическими проблемами. Естественно, такой партии вскоре после захвата власти стали сильно мешать не только меньшевики, но и союзники по перевороту – левые эсеры, а затем и Учредительное собрание, печать, интеллигенция, церковь, любые намеки на возникновение и существование какой-либо общественной или политической организации. Партия быстро овладела монополией на власть, монополией на мысль и саму жизнь. Партия стала ленинским орденом, от имени которого страной на протяжении длительного времени правили «вожди» и их «соратники».

К слову, быстрое разрушение и поразительно легкий распад КПСС после августа 1991 года (в ее прежнем виде) объясняются главным образом абсолютной неспособностью ленинских партийных структур выжить в гражданском обществе. Партия, созданная Лениным, – это идеальный костяк для тоталитарной державы. Но она совершенно чужеродна для демократической системы, даже такой незрелой, как наша. Как только общество начало стремительно меняться, партия, как рыба, выброшенная штормом на берег, стала задыхаться. Стало очевидно, что демократия и РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС несовместимы.

Я вспоминаю, что, когда мне, наконец, дали слово на XXVIII съезде КПСС, одной из основных идей, которую я хотел выразить, было утверждение, что, возможно, последним шансом выживания партии является ее возвращение на социал-демократические рельсы, то есть формально к тому положению, как это было в начале века. «Если мы не откажемся от коммунистической утопии, – заявил я, – партию ждет судьба восточноевропейских партий «ленинского типа». Но мне не дали говорить, я не смог закончить своего выступления: начались выкрики, топание ногами, захлопывание аплодисментами. Фактически меня согнали с трибуны. Агрессивное ленинское мышление многих из этих людей почти не способно к эволюции.

Партия, созданная Лениным, не была общественной организацией в собственном смысле этого слова. Как только большевики захватили власть после октябрьского переворота, партия стала главным элементом родившегося государства. Ленин хотел именно этого. Безграничная монополия и тотальная власть ордена, созданного лидером российской революции, могли рассчитывать (и не без основания), что при крайне низком уровне политической культуры общества, слабости демократических традиций, сохранении царистских взглядов в сознании многих людей партия имеет большие шансы стать средоточием господствующего сословия людей. Об этом открыто не говорили, но было ясно: не только классовый принцип определял жизнь

советского общества, но и сословно-партийный. Почти семь десятилетий симбиоз партии и государства, сцементированный раствором бюрократии и догматизма, цепко держал в своих объятиях гигантскую страну. Режим держался на людях, превращенных в люмпенов, огромной армии чиновничества и всепроникающих спецслужбах. Каждый век имеет свое «средневековье». Для нашей страны это «средневековье» оказалось исключительно долгим.

Вы держите в руках книгу, которая является не собственно биографией Ленина, а, прежде всего, его портретом. И если мои оппоненты во время выступлений часто соглашались с доводами автора по поводу необходимости нового прочтения ленинизма и анализа характера его реализации в социальной практике, то в отношении непосредственно личностных черт большевистского вождя, как правило, бывали непреклонны: это кристальной чистоты человек, совершенство, нравственный гений. Для того чтобы убедиться в исторической несостоятельности ленинизма, нужно внимательно посмотреть вокруг: историческая неудача «дела» лежит на поверхности. Однако что касается личности самого вождя, то стереотипы, созданные многолетней пропагандой, исключительно цепки и живучи; для очень многих он и сегодня главный пророк XX века.

Хотя моя книга строго документирована, в том числе и ленинскими материалами, пролежавшими в плену спецхранов долгие десятилетия, некоторые выводы автора могут показаться читателю спорными и даже шокирующими. Сфера духа, мышления, проявлений сознания часто бывает загадочной, таинственной, иногда даже мистической, но портретист, полагаю, имеет право больше оттенять те или иные грани в соответствии с его видением «натуры» портрета. Советские читатели, имевшие возможность смотреть на вождя через призму книг, подобных «Владимир Ильич Ленин. Биография» (таких книг сотни, тысячи), сочиненной коллективом назначенных авторов под руководством академика П.Н. Поспелова, видели перед собой партийного Христа. На протяжении почти семисот страниц сусальные картины безграничной гениальности, исключительности, одаренности, провидчества, безошибочности, благородства и доброты сменяют одна другую... Ни единого пятнышка, ни единого личного изъяна, даже отдельных намеков на какое-либо несовершенство!

Автор настоящей книги утверждает, что Ленин был крупнейшим революционером XX века, человеком с сильным прагматическим умом, огромной целеустремленностью и волей. В некоторых политических сферах он смог добиться результатов, имевших судьбоносное значение для всей истории нашего столетия: образование российской марксистской партии, формирование международного коммунистического движения, создание первого в мире социалистического государства. Человек, не обладающий сильным умом, практической цепкостью, умением маневрировать и принимать ответственные решения, не смог бы совершить всего того, что произошло в России. Но мы пока оставляем за скобками вектор, оценку – положительную или отрицательную – всех этих свершений. Ведь советский читатель не знал, что священный человек, волею созданной им тоталитарной системы, был личностью-айсбергом. Знали о Ленине то, что *положено* было знать. Как и о *партии*, которую он создал. Чего же не знали? Об этом будет сказано в книге.

Определяющим качеством вождя была огромная, фанатичная вера в коммунистическую утопию. Во имя ее реализации и достижения на практике Ленин не останавливался ни перед чем: террором, обманом, заложничеством, полным отказом от положений и решений, провозглашенных им и еще вчера казавшихся незыблемыми.

Для всех нас официальная историография нивелировала, сглаживала, камуфлировала исключительную, невероятную по силе ленинскую нетерпимость и непримиримость ко всему, что не гармонировало с его собственными взглядами. В крупных вопросах с ним можно было только соглашаться. Хотя Ленин иногда и говорил о собственных «ошибках», безапелляционность его политических и нравственных суждений поразительна.

История помнит множество диктаторов старого и нового времени. В их облике главный элемент – личная безграничная власть. Ленин также обладал такой властью, но он не был, подобно Сталину, безграничным Диктатором. Правда, Виктор Чернов считал иначе. Он верно рассуждал, что большевики создали иерархическую систему диктатур, основой которых является их партия. С этим трудно не согласиться. Но лидер эсеров шел дальше, утверждая, что на вершине этой иерархии находится «личный диктатор. Им и стал Ленин»{7}. В общеполитическом смысле это, возможно, верно, но в личностном – едва ли.

Его партия диктаторство как политический феномен считала фактом положительным, если оно способствовало реализации марксистских догм, делу революции. На заседании Политбюро и Оргбюро ЦК 10 июля 1919 года, на котором присутствовал и Ленин, было подтверждено положение о том, что «Рыков назначен диктатором по военному снабжению...»{8}. Власть для Ленина – это прежде всего диктатура, диктаторство, диктаторы. Но сам вождь, повторимся, не был диктатором в распространенном понимании слова. Его интеллект был неизмеримо, допустим, выше интеллекта Сталина, и свою огромную власть Ленин осуществлял посредством гибкого механизма идеологических и организационных структур, которые создавала партия. Ленин предпочитал оставаться как бы в тени диктаторства. Но в его руках была диктатура партии.

Ленин, как и все большевистские руководители после него (было у кого учиться!), страшно любил тайны и секреты. Это объясняется не только школой дореволюционной конспирации, но и самой недемократичностью коммунистической власти, предписывающей «вождям», их «соратникам», «органам» руководствоваться классовым принципом в повседневной деятельности. Фундаментальное же положение этого принципа – постоянное наличие сил и врагов, «выступающих», «противостоящих», «шпионствующих» и т. д. В личных бумагах Ленина множество таких, которые определяются им как «архисекретные» и «архиконспиративные». В этом личном качестве вождя один из истоков закрытости и тоталитарности создаваемого им советского общества.

Люди очень мало знают о личной жизни Ленина. Это вытекает не только из марксистского постулата первенства общественного перед личным, но и из желания революционных жрецов отделить личную жизнь «вождей» от массы. Если о простом функционере партии полагалось знать все, то личная жизнь, например, члена «ленинского политбюро», его родственников уже являлась огромной государственной тайной. Денежное содержание членов Политбюро, количество прислуги и выделенных для обслуживания автомашин, как и размеры особняков и дач, – все эти данные приравнивались к государственной тайне и хранились в специальных пакетах – «особых папках». Высшие партийные руководители были «неприкасаемыми».

Не полагалось, конечно, знать и о сомнительных делах большевистских руководителей. Вот почему никогда советскому человеку не говорилось, например, на какие деньги Ленин жил с семьей долгие годы за границей; кто финансировал партию до революции; почему он фактически никогда не работал (в обычном понимании этого слова); как стал возможен проезд Ленина в разгар войны через Германию, и многие, многие другие «тайны»...

Например, уже после Брестского мира существовала очень скрытая сфера связи правительства Ленина с Германией, благодаря которой обе стороны пытались достичь своих целей. Например, в феврале 1921 года Ленин получает из советского представительства в Берлине шифровку, в которой ему сообщают о результатах переговоров с немцами, в ходе которых было достигнуто соглашение о «восстановлении немецкой военной промышленности», хотя по Версальскому договору Германия не имела права этого делать. Но фирма «Блюм и Фосс» была готова строить подводные лодки, «Албатросверке» – самолеты, а заводы «Крупп» – производить артиллерийское оружие. Ленин откликнулся резолюцией: «...я думаю, да. Верните это. Ленин». Видимо, подумав, после подписи вождь поставил любимое слово: «Секретно»{9}.

Все подобные договоренности, естественно, никогда не обнародовались. Эту традицию тайных дел с Германией унаследовал и Сталин.

В нашем сознании давно сформирован стереотип гениального Ленина. Но сильный, находчивый и решительный ум – не есть синоним гениальности. Во все времена гениальность проявлялась не только в способности объяснить неведомое, сделать нечто неповторимо великое, нравственно высокое, но и в поразительном провидчестве. В этом свете ни один эпихальный прогноз Ленина не оправдался, хотя он очень любил ими заниматься. Достаточно вспомнить его категорические выводы о сроках прихода коммунизма, неизбежности мировой революции, крахе капиталистической системы и т. д. Несостоятельность пророчеств является, по сути, безоговорочным историческим приговором человеку, считавшемуся гением.

Нет, я не собираюсь в книге инвентаризировать ошибки, просчеты и грехи Ленина. Просто я хочу, опираясь на многочисленные свидетельства, уникальные документы, рассмотреть Ленина не с одной, а с разных сторон. Только в этом случае появляется шанс усилить сходство портрета на полотне с историческим «натурщиком». У ортодоксально мыслящих людей многое, что я скажу, вызовет, возможно, неприятие и даже осуждение. Но не зашоренные идеологически люди давно видели в Ленине и нечто иное, нежели мы. Так, американский писатель Роберт Пейн, автор одной из биографий русского вождя, пишет, что «у Ленина было много грехов, но самым большим грехом его было презрение к людям. Маркс относился с презрением только к крестьянству. Он писал об идиотизме деревенской жизни. Ленин же пошел дальше Маркса: он презирал все классы общества, за исключением пролетариата, который, в сущности, тоже не знал. Он окружил себя интеллигентами, которых он так же презирал, как и крестьянство, потому что среди них не было ни одного интеллектуально ему равного. Зиновьев, Каменев, Радек, Бухарин и другие были только его тенью... И коммунизм Ленина стал таким деспотизмом, который превзошел все деспотизмы, существовавшие до него»{10}.

Автор настоящей книги рассмотрит и такие утверждения, считая их отнюдь не единственно верными, но и не лишенными исторических оснований.

Все, что я сейчас написал о некоторых личных качествах, гранях личности Ленина, выглядит, возможно, не более как научная гипотеза, которую я, однако, постараюсь доказать на страницах книги.

Биографий Ленина создано много, даже множество. О вожде писали Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, П.М. Керженцев, В.И. Невский, Е.М. Ярославский, Г.М. Кржижановский, К.Б. Радек, Г.Е. Зиновьев, Б.М. Кедров. Менее чем через год после захвата власти Зиновьев в длинной речи изложил существо первой официальной биографии Ленина, которую начали готовить. Уже тогда соратник вождя именует его «апостолом коммунизма», «Вождем по милости божией»...{11} Традиция была сохранена. Официальные биографии (а в СССР иных быть не могло) – это скучнейшие панегирики в адрес «сверхчеловека». Особняком стоят воспоминания Н.К. Крупской, знавшей, безусловно, о вожде неизмеримо больше, чем другие. Но... почти все, что она писала о своем муже, несет печать большевистской «полночи эпохи» – времени, когда писались «Воспоминания». Исключение, возможно, составляют ее записки (как и М.И. Ульяновой) о последнем периоде жизни вождя. Но, естественно, их тогда нельзя было публиковать.

Многотомье воспоминаний о Ленине поражает воображение своей «неисчерпаемостью», апологетичностью и однообразием. Бытие большевистского «святого» есть своеобразный памятник человеческому пресмыкательству. За редким исключением «воспоминания» перепевают одни и те же мотивы гениальности, совершенства и величия Ленина.

Пять Собраний сочинений Ленина существенно отличаются друг от друга по масштабам. Первое начало выходить еще при жизни вождя. Создается впечатление, что сочинения могут выйти, по желанию руководства, в любом количестве томов. Если первое насчитывало два десятка книг, то четвертое – уже 35 томов. А пятое, «полное» – 55 фолиантов! Но и это, ока-

зывается, не предел, готовящееся шестое (помешал август 1991 года) намеревались издать не менее чем в 70 томах! Сколько же было бы в седьмом издании? Поистине Ленин неиссякаем! Хотя многие тома его сочинений – это конспекты чужих книг или пометы и подчеркивания трудов, удостоенных быть прочитанными вождем, бессвязные наброски предстоящих выступлений или постановления правительства за его подписью...

Ленин не знал, что он приготовил «духовную пищу», которой будут питаться миллионы людей десятки лет... Немало людей в России, которые, хотя бы ради антуража, не убирают Ленина со своего духовного обеденного стола и сегодня.

Конечно, самым серьезным трудом о Ленине в Советском Союзе была многотомная биографическая хроника «Владимир Ильич Ленин», где указываются тысячи фактов, дат, фамилий, дающих возможность представить не только основные контуры человеческой жизни человека-бога, но и ее содержание. Но, естественно, и в этом самом полном советском биографическом описании есть бесчисленное множество купюр, умолчаний, односторонних толкований.

Литература о Ленине, не искаженная коммунистической цензурой, в России только начала появляться. В этом смысле нельзя, например, переоценить значение работ В.А. Солоухина, не носящих, правда, характера строгого научного исследования. Но в честности этого анализа нет сомнений.

В этом смысле в неизмеримо более выгодном научном свете предстают биографии Ленина, написанные за рубежом. Но здесь другой изъян: ограниченность, а часто и отсутствие первичной источниковедческой базы, особенно касающейся советского периода жизни и деятельности русского революционера. Однако эта понятная слабость в какой-то степени компенсируется свободой от идеологической заданности в трактовке образа Ленина.

Назовем лишь некоторые работы, заслуживающие особого внимания. Это, прежде всего, книга Стефана Поссони «Ленин – революционер по принуждению», вышедшая в 1964 году в США. Суть этой книги можно выразить фразой Поссони: «Ленин парил высоко, но, к сожалению, в ложном направлении». Примерно в то же время появилась книга известного американского писателя Роберта Пейна «Жизнь и смерть Ленина», в которой автор утверждает, что Ленин был вторым, но неизмеримо более сильным Нечаевым. Большая книга «Жизнь Ленина» подготовлена Луисом Фишером. Думаю, что это одна из лучших работ о вожде русской революции. В 1988 году в Лондоне появилась книга Рональда Кларка «Ленин. Человек без маски». Название весьма красноречиво и говорит само за себя. Немалый интерес представляет книга Доры Штурман «В.И. Ленин», вышедшая в Париже в 1989 году. Работа раскрывает облик Ленина через анализ его последних трудов и записок. Интересные наблюдения о Ленине содержат работы и других зарубежных авторов: А. Авторханова, Д. Анина, Н. Бердяева, В. Бурцева, А. Балабановой, Р. Гуля, М. Геллера, Ф. Дана, А. Ильина, С. Мельгунова, А. Некрича, А. Потресова, А. Рабиновича, В. Чернова, Д. Шуба.

Огромное значение для понимания феномена Ленина имеют, как бы я их назвал, историко-художественные произведения А.И. Солженицына. Великий писатель смог, продолжая великую традицию Достоевского, заглянуть в подвалы сознания людей, «перевернувших Россию».

Большое впечатление неординарностью, своеобразием и тонкостью наблюдений, необычностью выводов производят книги Николая Владиславовича Вольского (Валентинова), лично знавшего Ульянова-Ленина. Валентинов, один из немногих, сумел показать русского революционера, оставившего наиболее глубокий след в истории XX века, не только как политического деятеля, но и как человека. Среди множества особенностей интеллекта, воли, характера Валентинов еще на пороге нынешнего столетия разглядел у Ленина огромную историческую уверенность в себе, в своем предназначении, как бы данном ему праве на лидерство, безусловное руководство окружающими. Он также заметил глубокий цинизм ленинского интеллекта.

Все перечисленные здесь авторы, которые писали о Ленине, в целом, безусловно, обогащают наше представление об этом человеке, позволяют как бы вырваться за рамки советской канонизации облика вождя. Но, к сожалению, повторюсь, все они не имели возможности заглянуть в подвалы большевистской власти, специальные хранилища ленинских документов, фонды архивов всемогущего Политбюро, ВЧК-ОГПУ. От этого не могла не пострадать и полнота образа Ленина, ставшего творцом и главным выразителем большевистской системы, возникшей в октябре 1917 года.

О Ленине, повторюсь, писали очень многие. Пожалуй, наиболее интересны эскизы портрета, сделанные Троцким. Еще в 1924 году, вскоре после смерти советского лидера, в Москве вышла книга одного из творцов Октября: «О Ленине. Материалы для биографа». Троцкий пишет, что Ленин «прожил эмигрантом тот период своей жизни, в течение которого он окончательно созрел для своей будущей исторической роли... Лозунг социалистической революции он провозгласил, едва ступив на русскую почву. Но тут только началась, на живом опыте пробужденных трудящихся масс России, проверка накопленного, передуманного, закрепленного. Формулы выдержали проверку...» {12}. Троцкий и не замечает, что Ленин «проверку» своего «передуманного» осуществляет на огромной стране. Уверенность в «праве» на этот исторический эксперимент поражает. Но большевики никогда не задумывались над моральной, правовой стороной революции, тем более что «формулы выдержали проверку»...

Всю жизнь Троцкий собирался написать большую книгу о Ленине. В своем письме к Александре Ильиничне Рамм – переводчице его книг в Берлине – он писал в апреле 1929 года из Константинополя: «Моя книга «Ленин и эпигоны» сможет появиться на свет не раньше как через два или три месяца после выхода автобиографии». Через три месяца он пишет ей же, что готовит кроме названной выше книги и такую: Ленин (биография, личная характеристика, воспоминания и переписка)» {13}. Прошло пять лет, и Троцкий вновь пишет своему стороннику М. Парижанину: «Моя работа над Лениным не вышла и не скоро выйдет еще из подготовительной стадии. Для перевода я смогу дать первые главы вряд ли ранее июля» {14}. Увы, «большой книги» о Ленине у Троцкого так и не появилось.

Мертвый Ленин был нужен больше, чем живой, не только Сталину, но и Троцкому, прежде всего для личных целей. Нужно сказать, что эти два «выдающихся вождя», как их назвал Ленин, знали больше других о своем патроне.

Троцкий впервые встретился с Лениным в 1902 году. Их отношения прошли полную амплитуду: от глубокого взаимного неприятия друг друга до тесного единства по важнейшим вопросам. Троцкий мог бы вспомнить, как Ленин, не сдерживая себя в нетерпимости, именвал Льва Давидовича «Балалайкиным», «позером», «подлейшим карьеристом», «проходимцем», «шельмецом», «лжецом», «жуликом», «свиньей»... Пожалуй, хватит. Это было в стиле Ленина. Но это не помешало ему в 1917 году писать, оценивая революционную деятельность этого же человека: «Браво, товарищ Троцкий!», называть его «лучшим большевиком»... В эти рамки – «от ненависти до любви» – втиснута целая революционная эпоха.

Особенно интересны страницы книги Троцкого о Ленине, красноречиво озаглавленные: «О пятидесятилетнем», «О раненом», «О больном», «Об умершем» {15}.

Думаю, Троцкий имел возможность (учитывая и его талант писателя) больше, чем кто-либо другой, написать яркую и интересную книгу о Ленине. Правда, эта работа была бы односторонней, ибо главным ее мотивом явился бы антисталинизм. После смерти лидер русской революции был нужен Троцкому прежде всего для того, чтобы подчеркнуть свое величие («два вождя» в революции), и для борьбы со своим смертельным соперником, захватившим на три десятилетия кремлевскую цитадель.

Сталин также много знал о Ленине, особенно что касается советского, а не зарубежного периода. По данным архивов, Сталин получил от Ленина не менее 150 личных записок, телеграмм, писем, распоряжений, в целом, видимо, не менее, чем Троцкий. Но здесь, правда,

возникает вопрос, требующий дополнительного изучения: многие документы, направленные Лениным Сталину, сохранились как обрывки телеграфных лент, вторые экземпляры машинописных страниц, другие косвенные свидетельства. Я уже имел возможность в книге о Сталине поставить под сомнение подлинность некоторых ленинских документов, адресованных Сталину.

После коронации на диктаторство Сталин, бесспорно с помощью своих партийных оруженосцев, внес немалые элементы фальсификации в переписку с вождем, которая была наиболее интенсивной с момента избрания его Генеральным секретарем партии. После выхода политической биографии И.В. Сталина коммунистический единодержец, как я смог установить по ряду косвенных признаков, намеревался под своей редакцией подготовить книгу о Ленине. Но намерение не было реализовано, хотя возможное содержание книги предвосхитить не составляет труда. Г.М. Кржижановский даже утверждал, что именно Сталин оставил «классические высказывания о Владимире Ильиче» {16}.

Очень многое могли сказать о Ленине Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев. Думаю, что ни один человек из политических деятелей не удостоился такого огромного количества ленинских писем, записок и телеграмм, как Каменев. По нашим подсчетам, таких документов около 350. Значительная часть их до сих пор не опубликована. Каменев был человеком, которому Ленин очень доверял, даже в весьма личных вопросах, связанных, например, с его отношениями с Инессой Арманд. Ведь было время, когда Ленин и Каменев (в Польше) жили в одной квартире. Но главное, что делает роль Каменева в знании Ленина особо значимой, – он был первым редактором и организатором издания Собрания сочинений Ленина, вышедшего в 1920–1926 годах в 20 томах (26 книг). Подготовка издания проходила при прямом участии, советах самого Ленина. Вожди спешили еще при жизни осчастливить Россию многотомьем большевистского бреда. Ленин, Троцкий, Зиновьев словно соревновались в выпуске своих томов, в то время как израненная, истерзанная Россия корчилась в муках от их экспериментов.

Думаю, Каменев знал о Ленине более, чем кто-либо, но... этот весьма близкий к русскому вождю человек мало писал и не оставил такого пространный наследия, как его неизменный друг Г.Е. Зиновьев.

Григорий Евсеевич Зиновьев и его жена З.И. Лилина были так же весьма близки к семье В.И. Ульянова-Ленина. Думаю, личной корреспонденции, адресованной Зиновьеву Лениным, не меньше, чем направленной каждому из «выдающихся вождей». Зиновьев, к слову, став большевистским вождем Петрограда, намеревался все свои многочисленные статьи, брошюры, выступления тоже издать в собрании сочинений (более 20 томов).

Возможно, наиболее ценной работой Зиновьева о Ленине является его «Введение в изучение ленинизма». В ней Зиновьев закликает читателей «изучать Ленина по первоисточнику! Знать Ленина – это значит знать дорогу к победе мировой революции» {17}. В начале 30-х годов, когда жизнь Зиновьева катилась к трагическому финалу, он написал несколько глав книги о Ленине. Опальный вождь надеялся, что эта работа будет его оправданием и спасением. Но Сталин даже не взял в руки написанное узником. Ведь он давно уже решил судьбу и Каменева, и Зиновьева.

Естественно, все, кто знал Ленина и писал о нем, акцентировали свое внимание на духовном мире этого человека в том смысле, что он, как никто другой, смог повлиять на развитие человеческой цивилизации. Пожалуй, это верно. Страна, где Ленин начал великий и страшный эксперимент, пришла к великой исторической неудаче. А весь остальной цивилизованный мир, напугавшись, ужаснувшись, приглядевшись к российскому опыту, невольно сделал для себя вывод и пошел естественной дорогой, оставив нас в конце концов в хвосте исторического обоза цивилизации. Можно даже сказать, что от Октябрьской революции косвенно выиграли все, кроме самих россиян. Оценивая причины коммунистической неудачи, философы, политологи и историки все чаще обращаются к духовному космосу человека, которого уже нет

среди людей семь десятилетий. Но многочисленные, хотя теперь и раздробленные последователи большевизма, особенно из числа стариков, по-прежнему смотрят на Ленина, говоря словами Карла Радека, написавшего о русском революционере, как на «Моисея, который вывел рабов из страны неволи» {18}.

Да, большинство биографов Ленина ограничивают свою задачу планами и деяниями этого человека. Нет смысла критиковать или восхвалять этот подход. Важно найти гармонию в освещении социально-исторической роли российского лидера и его сугубо человеческих, нравственных и интеллектуальных качеств. Самое трудное в этом процессе – не отступить от принципа историзма. Наше нынешнее мироощущение, видение горизонтов сегодняшнего бытия стали во многом иными, нежели у людей, живших в первой четверти нашего века. Умение, способность мысленно «погружаться» в толщу десятилетий позволяют не просто почувствовать неповторимый колорит и духовный климат ушедших эпох, реставрировать в сознании безвозвратно ушедшее, но и сохранить наши сегодняшние взгляды на эволюцию общества, способы движения мысли к тревожно манящим горизонтам грядущего. Исторический Ленин – дитя своей эпохи: смятенной, жестокой, обещающей, пугающей. Историзм не может быть обвинением или оправданием. Это принцип *понимания*, постижения давно ушедшего времени.

Когда мы слышим или читаем слово «Ленин», в нашем сознании возникает не только исторический феномен тотального эксперимента, но и конкретный образ, мысленный портрет человека, о котором хоть что-то знает, наверное, каждый человек на нашей планете. Благодаря кадрам кинохроники, монументам, печатным изображениям перед нами предстает человек, который, как роденовский мыслитель, благодаря большому лбу и обширной лысине олицетворяет ум и... обыкновенность.

Глеб Максимилианович Кржижановский, долго и мучительно пытавшийся в своей книжке определить сущность гениального (ленинской гениальности она у него и посвящена), но так и не справившись с этой задачей, больше преуспел в описании внешнего портрета вождя. Она, внешность, пишет Кржижановский, проста и скромна. «Его невысокая фигура в обычном картузике легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком – вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью, приодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян...» Мы понимаем, что такое описание призвано подчеркнуть «народность», «глубинность» и «связь с низами». Но все же очень важный момент Кржижановский подмечает: глаза – как зеркало человеческого ума. Эти глаза, как пишет соратник Ленина, «необыкновенные, пронизывающие, полные внутренней силы и энергии, темно-темно-карие...» {19}.

На эту же особенность обращает внимание и А.И. Куприн в своей превосходной миниатюре «Моментальная фотография». Приведем довольно пространный фрагмент этого словесного портрета.

Ленин – «маленького роста, широкоплеч и сухощав. Ни отталкивающего, ни воинственного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх... Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличенно, как это выходит в фотографических ракурсах... Остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, краснорыж. Руки у него большие и очень неприятные... На глаза его я засмотрелся... от природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это вместе с быстрыми взглядами исподлобья придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков... Прошлым летом в Парижском зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворенно: вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз! Разница, оказывается, только в том, что

у лемура зрачки большие, беспокойные, а у Ленина они точно проколы, сделанные тоненькой иглой, а из них точно выскакивают синие искры»{20}.

Русская писательница революционных лет Ариадна Тыркова, не раз видевшая Ленина, делает однозначное, жесткое заключение: «Злой человек был Ленин. И глаза у него волчьи, злые»{21}.

Это свидетельства разных людей, имевших возможность непосредственно лицезреть вождя при жизни. Я просмотрел сотни фотографий и многочисленные кадры кинохроники; везде присутствует весьма обыкновенный человек, но с необыкновенными глазами... Думаю, эта портретная деталь, не имеющая решающего значения для политического портрета русского революционера, тем не менее оттеняет при помощи внешних свойств главное внутреннее качество этого человека – мощный интеллект. Однако слово «мощный» не говорит о его нравственной направленности. Слишком часто этот интеллект был не только прагматичным, гибким, изощренным, но и злым, коварным. При всей революционной радикальности ум Ленина был в немалой степени и имперским. Здесь нет противоречия, а есть ярко выраженный ленинский прагматизм, нацеленный на главный предмет своих устремлений: власть, власть, власть. Этот радикальный прагматизм не остановил его действий, способствующих поражению собственного отечества в империалистической войне, во имя прихода его партии к власти. Этот радикализм заставил его смириться (на первых порах) с потерей бывшей великой империей целых национальных кусков. Но когда это стало грозить нарастающей тенденцией полного распада, Ленин отбросил в сторону свой революционный интернационализм и стал укреплять Российскую империю, преобразуя, правда, это историческое образование в советское, большевистское. И везде главной доминантой для революционера была власть. Не из патриотизма и любви к отечеству Ленин стал спасать Россию в границах великой империи. Ведь нередко к России и русским он относился, мягко говоря, непристойно.

...В своем письме Берзину по поводу выпуска коммунистической пропагандистской литературы Ленин сетует, что дело идет плохо. Советует «выписать из Цюриха Колнера или Шнейера», которым следует платить за работу «архищедро». Далее продолжает: «Русским дуракам раздайте работу: посылать сюда вырезки, а не случайные номера (как делали эти идиоты до сих пор). Назначьте поименно ответственных за это лиц, и мы их приструним...»{22}

В записках, рассчитанных не для публичного восприятия, не для «Правды», Ленин без тени смущения называет своих соотечественников «дураками» и «идиотами», которые способны лишь на элементарно-примитивную работу. А левые – но из Цюриха! – должны оплачиваться «архищедро». Записка эта невелика, но весьма красноречива. Естественно, многие десятилетия она была заточена в секретный архив, и никакое Полное (!) собрание сочинений не могло рассчитывать на его включение для публикации. Подобное отношение Ленина к русскости встречается у вождя многократно.

Увы, так было всегда. Кто-то боролся и борется за Россию, а кто-то за власть над ней...

Я предвижу, что многое из сказанного в книге (особенно оценки, но факты документированы) будет подвергаться сомнению, опровергаться, оспариваться, разоблачаться. Мы это так умеем делать! Пожалуй, это одно из главных умений, чему нас научили Ленин и ленинизм. Нетерпимость ко всему, что не вписывается в прокрустово ложе марксистских представлений, жестких схем, пропагандистских штампов, стала чертой национального характера. У самых истоков всего советского внушалось: инакомыслие преступно. С тех пор многие люди нетерпимы к взглядам, которые отличаются от их собственных.

Когда обескровленная Россия после Гражданской войны лежала в руинах и казалось, что, наконец, жестокость отступит, ведь на дворе была уже середина 1922 года, Ленин напомнил, что, хотя «насилие не наш идеал», без него, насилия, мы жить не можем. Даже если речь идет об идеях, взглядах, духе человеческом.

Ленин не раз (юрист по образованию!) своими записками и указаниями стремился уже сточить революционные «законы». Именно ему принадлежит идея расстреливать людей за антисоветскую агитацию. По его настоянию идея обрела «плоть» уголовной статьи.

Только за антисоветскую агитацию и пропаганду или одно содействие ей могли отобрать жизнь! Так устанавливал Ленин. Эти положения вошли затем в печально знаменитую статью 58 УК РСФСР и ее модификации. Так было очень долго. Разве это могло пройти бесследно для нашего сознания? Разве стоит удивляться воинственной непримиримости по отношению ко всем, кто мыслит иначе? Мы (я говорю о среднем и старшем поколениях) воспитаны на ленинской методологии. Ленин как олицетворение радикальной части русских марксистов является истоком тотальной идеологической нетерпимости.

Сделав в свое время (наряду с партией) своим любимым детищем Всероссийскую чрезвычайную комиссию – карательный орган диктатуры, Ленин этим самым повлиял на мироощущение коммунистов. Он смог «доказать» и убедить партию, что аморальность, если она в интересах партийного дела, может быть «моральной». Это быстро усвоили. С.И. Гусев (Я.Д. Драбкин), член ЦКК, в своем выступлении на XIV съезде партии заявил: «...Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть смотреть и доносить... У нас есть ЦКК, у нас есть ЦК, я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доноительства, а от недоноительства... Можно быть прекрасными друзьями, но, раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше – идти на доноительство»{23}. Эти страшные откровения нет нужды комментировать; так думали очень многие. Ленинская идейность одевала тогу полицейщины и политического сыска. На многие десятилетия.

Говорят, и этому есть косвенные свидетельства, что на пороге черты, отделяющей бытие от небытия, Ленин ужаснулся тому, что он сделал, и был готов многое пересмотреть. Не знаю. Не уверен. Этого доподлинно никто уже не в состоянии доказать. Духовные миры исчезают навсегда одновременно с их носителями. Даже если Ленин, во что верится с трудом, хотел бы многое из созданного изменить, все намерения и мысли немого Ленина были похищены у него смертью. Может быть, в этом одна из многих граней личной трагедии этого человека.

Мы долго и часто говорили, что Ленин не успел с помощью нэпа построить «настоящий социализм». Но, внимательно вчитавшись, как он понимал эту «новую политику», отчетливо слышишь в ней старые большевистские мотивы. Для Ленина нэп – это взнузданный капитализм, который в любой момент можно «прихлопнуть». Когда появились сообщения об экономическом грабительстве нэпманов, Ленин среагировал быстро: «...нужен ряд *образцовых* процессов с применением *жесточайших* кар. НКЮст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует *новых* способов *новой жестокости* кар»{24}.

Выделенные Лениным слова не оставляют сомнений в том, какие методы «вождь всемирного пролетариата» намерен применять и впредь. Ленин никогда и не скрывал: созидание нового мира возможно лишь с помощью гильотины насилия. «Величайшая ошибка думать, – писал он Л.Б. Каменеву в марте 1922 года, – что нэп положит конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому»{25}. Что правда, то правда. Террора было вдоволь всякого: физического, духовного, экономического. Мы его осудили спустя десятилетия, стыдливо уходя от ответа: кто же его начал, кто возвел его в святыню революционных методов?

Трудно сомневаться в том, что Ленин хотел земного счастья для людей, точнее, тех, кого именовал «пролетариатом». Но полагал при этом совершенно нормальным творить это «счастье» на крови, насилии, несвободе. Во всяком случае, как выяснилось довольно скоро, октябрьская победа, фантастически неожиданная, нелепая, сказочно легкая, была непреходящим симптомом грядущего поражения не только Ленина, но и ленинизма. Судьба этого человека, как болид на темном небосклоне, оставила кровавый революционный автограф, который и сегодня читают по-разному...

Глава 1

Дальние истоки

Ленин... соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа.

Николай Бердяев

Ни один человек в истории не оставил столь глубокого шрама на ее лице, как Ленин. О нем так много написано и сказано, что любому, кто решается вновь говорить о Ленине, грозит опасность в чем-то повториться. Но этого можно в немалой мере избежать, если учесть, что на протяжении десятилетий на своей родине он жил в сознании миллионов людей как земной бог, абсолютный гений, непогрешимый вождь «мирового пролетариата». Даже в весьма содержательных книгах зарубежных биографов Ленина Роберта Пейна, Рональда Кларка, Луиса Фишера, Стефана Поссоны и некоторых других отчетливо просматривается стремление как-то сохранить этот образ, решаясь лишь «приземлить» его и подвергнуть частично «кое-что» сомнению. Для такого подхода есть основания.

В первой строке этой главы я тоже, по сути, повторил, что Ленин – крупнейший революционер XX века. Не великий, но крупнейший. Но моя мысль – гипотеза, которую я намерен доказать этой книгой, заключается в том, что Ленин не был ни гением, ни богом. Такова моя версия. Достаточно для этого посмотреть на исторические итоги этого «дела» и внимательнее взглянуть в безнравственную оправу божественного нимба этого человека. Ленин, сопровождавший советских людей на протяжении десятилетий от их рождения до смерти бесчисленным количеством монументов, слащавых книг и отупляющих лозунгов, тем не менее глубоко интересен как историческое явление, как в высшей степени загадочная личность, обладавшая огромной силой интеллектуального влияния на окружающих.

Ленин не сразу стал «вождем» и лидером радикального крыла российской социал-демократии. Даже в конце прошлого века, приближаясь к своему тридцатилетию, Ульянов был лишь одним из многих.

Генетические корни многих личных качеств Ленина обнаруживаются еще на ранних стадиях жизни этого человека, о которой положено было знать лишь то, что работало на миф земного бога. Система заботилась об этом особо. Ни один человек за всю писаную историю не удостоивался такого массивного планетарного внимания. Судьба и смысл отдельной запятой, галочки или любой пометы на полях случайной книги, не говоря уже о подчеркиваниях в текстах самых будничных телеграмм или докладов, становились предметом самых скрупулезных глубокомысленных выводов бесчисленных исследователей столь же бесчисленных советских институтов, лабораторий, музеев, кафедр, библиотек и архивов. Касаясь этой исторической аномалии обожествления, Н.В. Валентинов писал: «Бригады» апологетов изошряются в раздувании обстоятельств, в размазывании ничтожнейших подробностей, более или менее верных или вымышленных, незначительных или воображаемых, имеющих касательство к Владимиру Ильичу, чьи самые прозаические действия, самые заурядные жесты превозносятся до крайней гиперболичности. Он не только был гениален, что известно каждому, но обладал всеми добродетелями, всеми врожденными дарами, всеми приобретенными качествами, всеми великими и малыми талантами; он всегда был прав, он всегда был непогрешим...» {1}

Непосредственно Ленин не повинен в культовом шаманстве, не знавшем рациональных границ обожествления. Хотя был не безгрешен и в этом. Еще в 1922 году были установлены памятники Ленину в Симбирской губернии, Житомире и Ярославле. Когда решили на месте погребения на Ленина в августе 1918 года начать возводить памятник вождю – лидеру рево-

люции не возражал. Уже в ноябре 1918 года (через год после переворота!) Ленин позировал перед скульпторами, создававшими «типовую» скульптуру. Несколько сеансов имел известный художник Ю.П. Анненков, создавая в 1921 году портрет вождя{2}. По нашим данным – далеко не первый. Ленин считал нормальным вместо памятников царям ставить памятники вождям революции. Но это был акт для Ленина не столько прославления и возвеличивания личности, сколько способ утверждения большевистской идеи. Все были обязаны носить идеологическую одежду – эту духовную униформу обезчеловечения личности. Ленин и ленинизм были главными атрибутами этого одеяния. Культивированием божества прилежно занималась Система, которую он создал и которой он, мертвый, был более нужен, чем живой. Поэтому так важно сказать, как выразился Н.В. Валентинов, о «малознакомом» Ленине.

Я пишу не биографию (сколько их уже создано, почти одинаковых!), а портрет этого человека и вынужден вначале, хотя бы довольно кратко, остановиться на годах становления Ленина, на дальних истоках того, что его сделало «вождем».

У всех у нас в памяти фотографии пухленького милого мальчика, а затем снимки гимназиста с умными глазами. Но нам очень трудно представить Ленина молодым; он как-то сразу из юноши превратился в зрелого, усталого, пожилого человека. Роясь в книгах, я неожиданно нашел подтверждение этого моего впечатления у А.Н. Потресова, очень близко знавшего Ленина в молодости.

Когда Александр Николаевич Потресов, рыцарь российского легального марксизма, встретился с Лениным, тому было 25 лет. Однако, вспоминал Потресов, Ульянов «был молод только по паспорту. На глаз же ему можно было дать никак не меньше сорока – тридцати пяти лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлюбья прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой, сиплый голос... У молодого Ленина, на моей памяти, не было молодости. И это невольно отмечалось не только мною, но и другими, тогда его знавшими. Недаром в «Петербургском Союзе борьбы» того времени, этой первичной ячейке будущей партии, его, по годам молодого, звали «стариком», и мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же лысый и старый...»{3}.

Стоит отметить, что Ленин, как и его отец, был человеком большой мыслительной силы, что обычно приходит с годами. Но интеллектуальное развитие этих людей было ранним. Я не уверен, что это имело роковые последствия, но и отец, и сын умерли от болезни мозга; первый от кровоизлияния в 54 года, второй от склероза мозга в 53 года. Может быть, это дело исторического случая, но нельзя отделаться от мысли, глядя на фотографии Ленина, где он всегда выглядит много старше своих лет, что его мозг постоянно работал с перегрузкой, обязательно с кем-то воюя, борясь в очередной «склоке» (его любимое слово) с теми, кто думал иначе, чем он. Не думаю, что это обязательно признак гениальности. Но, так или иначе, Ленин, даже будучи по житейским меркам довольно молодым человеком, всегда предстал перед нами в образе усталого пожилого человека.

Давайте попытаемся, освободившись от чар сусальных мифов, взглянуть на того Ленина, который начал свой долгий путь, закончившийся большевистским триумфом, к октябрю тысяча девятьсот семнадцатого года. Проследим некоторые истоки этого пути, исхоженного и истоптанного тысячами партийных исследователей и официальных биографов. Все они, однако, осторожно обходили партийные «заповедники», куда могли входить только главные «ленинцы».

Семейная генеалогия

Тихий, зеленый и глубоко провинциальный городок Симбирск, что на Средней Волге, стал колыбелью будущего отца русской революции и основателя первого в мире социалисти-

ческого государства. «Губернские ведомости» Симбирска в конце прошлого века сообщали, что в 1897 году в городе насчитывалось сорок три тысячи жителей, в том числе 8,8 процента – дворяне, 0,8 процента – духовенство, 3,2 процента купцов и почетных граждан, мещан – 57,5 процента, крестьян – 11, военных – 17 и остальные-прочие... Типичный мещанский город России. В нем находилось две гимназии (мужская и женская), кадетский корпус, духовные училище и семинария, ремесленное училище графа Орлова-Давыдова, фельдшерская школа, чувашская учительская школа, татарское медресе, несколько приходских школ, Карамзинская библиотека, бесплатная народная библиотека имени Гончарова. Были здесь и водочный, пиво-медоваренный, винокуренный, воскосвечный, мукомольный заводы. Немало было в крохотном городке и благотворительных заведений: христианского милосердия, попечительства о бедных, братства Преподобного Сергия Радонежского, Святого Николая Чудотворца, Марии Магдалины...

Основанный на нагорной стороне реки в 1648 году боярином Хитрово как форпост от набегов кочевников, город скоро превратился в типичный тихий провинциальный российский городок, каких было немало. Утопающий в зелени садов, деревянный Симбирск жил на границе веков как бы в полудреме: размеренно, спокойно, неторопливо, без потрясающих новостей.

Я знаю этот город не по словарям и не понаслышке: в 1949–1952 годах в Ульяновске (бывшем Симбирске) оканчивал танковое училище, бывал здесь и позже. Со временем город стал идеологической Меккой большевизма. Рассматривая старые фотографии города и сравнивая их с тем, каким он стал к столетию рождения В.И. Ульянова-Ленина, поражаешься фанатичной настойчивости тех, кто десятилетиями превращал его в идеологический храм вождя.

Как писал журналист и краевед Ульяновска Ж. Миндубаев, превращение старинного города в «грандиозный ленинский алтарь» сопровождалось «громким погромом». В ходе его, как с болью отмечал исследователь, «ломалось все – причем в прямом, чисто физическом смысле. Начав с переименования города под лихим лозунгом: «Осиновый кол в могилу старого Симбирска!», местные преобразователи с потрясающей бездумностью сносили древние церкви, соборы, монастыри. Снесли все! Исчезла даже церковь, в которой крестили Володю Ульянова, сломан губернский дом, где бывал А.С. Пушкин. Кафедральный собор в память о симбирцах, погибших за отечество в 1812 году, взорвали для того, чтобы расчистить место для памятника Ленину... Вместо всяких там Лисиных, Солдатских, Дворцовых появились улицы Маркса, Энгельса, Либкнехта, Люксембург, Плеханова, Бебеля. В страшном 1921 году, когда в Поволжье свирепствовал голод, симбирские власти не пожалели сил и средств на сооружение памятника Карлу Марксу... Кладбище Покровского монастыря, где были похоронены многие достойные симбирцы, исчезло вообще. Оно было превращено в сквер, и в нем, веселеньком, сохранена одна-единственная могила Ильи Николаевича Ульянова. Да и ту осквернили: отбили крест на надгробном памятнике. Как же: отец вождя революции – и покоится под крестом?!»

Здесь, в Симбирске, родился отец будущей Системы, который не мог, конечно, знать, что по истечении семи десятилетий она, Система, добьется изобилия лишь таких продуктов идеологизированного бытия, как собрания сочинений великого основателя пролетарского государства, да смертоносных ядерных зарядов, способных уничтожить всю человеческую цивилизацию. Ульянов (Ленин) здесь прямо вроде бы ни при чем. Он руководствовался как будто благими целями справедливости и равенства, которые во все времена берут в плен сознание революционеров. Но Ленин не хотел думать и малодушно сомневаться в средствах и цене достижения этих целей. Родившийся здесь мальчик оказался очень способным и вполне мог стать крупным юристом, экономистом, историком, но стал революционером мирового масштаба, и это обстоятельство оказало неоспоримое влияние на весь ход российской истории, и, смею уверить, не только российской.

В двенадцатитомной биографической хронике вождя о событии появления на свет этого человека говорится весьма лаконично:

«Апрель, 10(22)

Родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Отец Владимира Ильича – Илья Николаевич Ульянов был в то время инспектором, а затем директором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из бедных мещан города Астрахани. Его отец ранее был крепостным крестьянином.

Мать Ленина – Мария Александровна была дочерью врача А.Д. Бланка.

Семья Ульяновых проживала в Симбирске (ныне Ульяновск), во флигеле дома Прибыловской на Стрелецкой улице (ныне ул. Ульянова д.17а)»{4}.

Вот и все. Остальные сведения о семье нужно по крупицам собирать в двенадцати томах, но главное в них то, как Ленин «готовит планы» и «идейно громит» своих противников, как он «читает», «пишет», «выступает»... Вроде хроника биографическая, в ней несколько тысяч страниц, но портрет человека по хронике получается как модель политического авторобота: «изучает материалы», «руководит совещанием», «дает указания», «критикует за примиренчество», «разоблачает центристов» и т. д.

Примерно такая же информация содержится и в официальной биографии Ленина. Восемь изданий ее слащавого текста имелись в любой советской библиотеке, но едва ли когда эти книги добровольно востребовались. Народное чутье обмануть трудно. Смирившись и поверив в то, что высшие партийные лидеры СССР всегда «выдающиеся руководители ленинского типа», где-то в подсознании люди прятали мысль: все это преувеличено. Но – видимо – так надо. Поэтому к официальному Ленину в душе большинство людей относились равнодушно. Лишь единицы (если не для экзамена или диссертации) могли по доброй воле посидеть с томом ленинских сочинений. Как я имел возможность лично убедиться, абсолютное большинство партийных руководителей, которых я знал, никогда не читали Ленина сверх идейного «партиминимума». Что считать «ленинским», всегда своевременно указывалось в партийных директивах, постановлениях, «закрытых письмах ЦК».

Все руководствовались Лениным, которого фактически не знали.

Не претендуя на полноту описания и опираясь на ранние работы двадцатых годов А. Шуккевера, В. Невского, А. Митрофанова, И. Никитина, И. Вольпера, И. Ходоровского, А. Воронского, А. Сольца, других авторов, разумеется, работы Н.К. Крупской, книги зарубежных исследователей и архивы бывшего ЦПА ИМЛ, ЦГАОР, ЦГАСА и иные, попытаюсь изложить свое видение генеалогии семьи Ульяновых. Без этого портрет лидера русской революции будет невнятно-расплывчатым или схематичным.

Семья Ульяновых была большая, и у нее, естественно, имелось много родственных ветвей. Отец Владимира Ульянова Илья Николаевич женился на Марии Александровне Бланк в 1863 году в Пензе, где он работал преподавателем физики и математики. После Нижнего Новгорода семья осела в Симбирске. В официальных биографиях Ленина почти ничего не говорится о родителях матери и отца Ульяновых, об их национальном происхождении. Хотя, естественно, это для интеллектуального облика, социального положения и нравственных качеств человека не имеет никакого значения. Но официальным биографам очень не хотелось отмечать редкое смешение крови в генеалогическом древе, на котором появился плод в лице Володи Ульянова. Ведь считалось естественным, само собою разумеющимся, что вождь российской революции должен быть русским!

Но исторический котел великой страны, именовавшейся Россией, переплавлял в своем тигле самые различные национальные и расовые ветви, что было совершенно естественным и нормальным. И я пишу об этих вещах без всякого «тайного умысла», а лишь потому, что этническая характеристика Ленина всегда тщательно затушевывалась в стремлении придать ему если не пролетарское, то хотя бы «батрацкое» происхождение. Не случайно в Биохронике

специально подчеркивается, что его дед по отцовской линии «ранее был крепостным крестьянином». Но почему тогда не упоминается, кто были его бабушка по отцу или родители матери – по происхождению?

Рассмотрим вначале материнскую ветвь Владимира Ульянова. Мария Александровна – мать Ленина – была четвертой дочерью в семье Бланков. Александр Дмитриевич (Сруль Мойшевич) Бланк, ее отец, крещеный еврей из Житомира, был врачом. Отчество Бланк взял во время принятия христианства у своего крестного отца Дмитрия Баранова, а имя поменял на русское. Сруль (Израиль) Мойшевич стал Александром Дмитриевичем. Один из известных биографов Ленина Д.Н. Шуб (вместе с С.М. Гинзбург) провел специальное исследование национальных корней лидера русской революции и установил, что А.Д. Бланк был сыном торговца-еврея из города Старокопанинского Волынской губернии Мойше Ицковича Бланка, женатого на шведке Анне Карловне Остедт{5}. Но как еврей мог быть полицейским врачом, спрашивает Шуб, а затем стать и владельцем имения в Кокушкине? Биограф на основании скрупулезных исследований, имевшихся в архиве Святейшего синода в Петрограде, и других данных приходит к выводу, что принятие православия евреем в России снимало многие преграды на пути служебной карьеры. «При Николае I (время, когда жил А.Д. Бланк) были крещеные евреи, которые занимали гораздо более высокие посты, чем полицейский врач в Петербурге... Многие крещеные евреи получали дворянство и после этого пользовались всеми правами и привилегиями наравне с остальными дворянами»{6}.

В Петербурге дед Владимира Ульянова А.Д. Бланк женился на Анне Григорьевне Гросскопф – девушке из состоятельной немецкой семьи. Достоверно известно, что семья Бланка была зажиточной, о чем можно судить по тому, что врач с женой не раз совершали поездки в Европу, и в частности на Карлсбадские минеральные воды. Александр Дмитриевич Бланк служит уездным врачом в г. Изрецье Смоленской губернии, затем после должности полицейского врача некоторое время работает в Мариинской больнице, переезжает затем в Пермь, оттуда в Златоуст. Здесь он занимает престижный пост медицинского инспектора госпиталей Государственного оружейного завода. В 1847 году, как пишет Н.В. Валентинов, Бланк оставляет службу, выходит в отставку, приписывается к дворянству Казанской губернии. К этому времени уже дослужился до статского советника. Здесь он покупает имение Кокушкино{7}. Приобретение имения стало возможным благодаря крупному денежному приданому, которое принесла в семью Анна Григорьевна. Жена Бланка, которая так и не научилась сносно говорить по-русски, осталась лютеранского вероисповедания. Здесь, в Кокушкине, они воспитывают пять дочерей: Анну, Любовь, Софию, Марию (мать Владимира Ульянова) и Катерину.

Кокушкино не было «хуторком», который купил доктор Бланк, как пишется в официальных биографиях, а представляло собой небольшую помещичью усадьбу. До 1861 года у Бланка были крепостные крестьяне. Конечно, академик Пospelов и его руководители не могли опуститься до признания этого нежелательного «классового» факта, хотя, если смотреть на него исторически, он естествен и отражает обычные реалии своего времени.

В Кокушкине, небольшом имении, которым владели Бланки, было всегда шумно илюдно. Александр Бланк слыл властным и довольно импульсивным человеком. Им владела одна маниакальная идея: видеть в водолечении универсальное средство. Его можно даже считать одним из основателей бальнеологии. Бланк написал книжку о том, что «вода внутрь и вода снаружи» в состоянии поддерживать доброе здоровье у каждого человека. Отставной полицейский врач заставлял своих плачущих дочерей укутываться на ночь мокрыми простынями. Подрастая, дети спешили выйти замуж, дабы скорее освободиться от папенькиных навязчивых экспериментов.

Анна Григорьевна Гросскопф умерла рано. После ее смерти в Кокушкино приехала ее родная сестра Екатерина, взявшая на свои плечи все заботы о воспитании племянниц. Это была весьма образованная женщина, именно она многое привила Марии Александровне (матери

Володи Ульянова): умение играть на фортепьяно, обучила пению, дала основы знаний трех иностранных языков (немецкого, английского и французского).

В Кокушкино не раз приезжал брат жены Бланка – крупный чиновник департамента внешней торговли Карл Гросскопф. По приезду в имении устраивались музыкальные вечера, и дочери Бланка тянулись к этому образованному и жизнерадостному человеку. То была обычная жизнь небогатого обрусевшего дворянина-помещика с весьма сильным культурным немецким влиянием, благодаря семейству Гросскопф. Впрочем, Ленин и не скрывал, как это делали в последующем его советские биографы, своего, в известном смысле «помещичьего», происхождения. Дворянские корни по материнской линии, естественно, в Биохронике не отражены. Сохранилась, однако, подпись самого Владимира Ильича, сделанная в апреле 1891 года на копии постановления Симбирского депутатского собрания о внесении Марии Александровны Ульяновой в дворянскую губернскую родословную книгу {8}. После ссылки Ленин, обращаясь в департамент полиции о разрешении его жене Н.К. Крупской отбывать оставшийся срок в Пскове, подписывался: «Потомственный дворянин Владимир Ульянов» {9}.

Как видим, по материнской линии происхождение Ленина далеко не «пролетарское», что лишь подчеркивает абсурдность марксистского и большевистского принципа оценивать человека метром классовой принадлежности. В 20-е и 30-е годы этот критерий полноценности личности был доведен до зловещего абсурда, и нередко люди расставались с жизнью лишь потому, что кто-то в роду у них был «буржуйского» или «помещичьего» происхождения. К вождям это, естественно, не относилось и квалифицировалось как «революционное исключение».

Отцовская ветвь Ленина явно плебейская, и не случайно Биохроника специально акцентирует на этом внимание читателя: дед Ленина был «крепостным крестьянином». Но и это не так. Дед Ленина Николай Васильевич Ульянов был астраханским русским мещанином, промышлявшим портняжничеством. Он был сыном крепостного крестьянина, но совсем молодым был отпущен на оброк и больше в деревню не вернулся, став мещанином.

Прадед Ленина Василий Никитич Ульяников¹ – тот был крепостным крестьянином. Почти всю жизнь дед В. Ульянова Николай Васильевич прожил одиноко, и, лишь когда ему перевалило за пятьдесят и у него скопилось немного денег, он женился на дочери крещеного калмыка Анне Алексеевне Смирновой, моложе его почти на двадцать лет. Кстати, В.И. Ленин во внешнем облике унаследовал в значительной степени калмыцкий, азиатский тип лица от своей бабушки-калмычки. В этом позднем браке родилось пятеро детей: три сына и две дочери – Александр, Василий, Илья (отец Володи Ульянова), Мария и Феодосия. Илья был последним, очень поздним ребенком: он появился на свет, когда отцу было за шестьдесят, а матери – сорок три года. Вскоре Николай Васильевич умер, оставив на семнадцатилетнего Василия жену, двух сыновей и двух дочерей (Александр умер в младенчестве).

Нужно сказать, что Василий, получив вместо наследства огромные заботы о большой семье, проявил истинное подвижничество и самоотверженность. Ценой особого усердия Василий выбился в приказчики известной в Астрахани фирмы «Братья Сапожниковы». Трудолюбие и преданность хозяевам были оценены их немалым доверием. Старший брат смог содержать мать и младшего брата Илью, которого послал на учебу в Казанский университет. Василий долгие годы полностью содержал брата, пока тот учился в университете и поднимался на ноги, став учителем математики. Есть документы и иные свидетельства о том, что Василий присылал Илье Николаевичу деньги «на обзаведение», «на свадьбу», «на переезды» и т. д. Оставаясь до самой своей смерти холостым, Василий Николаевич – удачливый и усердный приказчик торгового дома – сыграл огромную роль в судьбе своего брата Ильи. Высшее образование, полученное Ильей, сыном скромного портного, является главной заслугой Василия, который неза-

¹ По ряду документов прадед Ленина проходит и как Ульянов, иногда Ульянин или Ульяников.

долго до своей смерти (есть, правда, лишь косвенные свидетельства) выслал денежную часть своего состояния младшему брату {10}.

О многих деталях сложной генеалогии Ульяновых смогла увлекательно рассказать Мариэтта Шагинян в своей книге «Семейство Ульяновых»².

Генеалогия семьи Ульяновых достаточно запутана, и на ней не стоило бы останавливаться, если бы это не характеризовало официальную историографию советских вождей: непомерное выпячивание второстепенных деталей в рамках схемы «классового подхода» и умолчание, искажение, а то и прямая фальсификация тех сторон характеристики человека, которые, как отмечалось выше, не вписываются в рамки партийных установок. На Западе же этому вопросу было уделено немало внимания, особенно солидным русскоязычным «Новым журналом», выходящим в Нью-Йорке. К слову, этот серьезный во всех отношениях журнал с момента своего появления напечатал десятки статей о Ленине, осветив на своих страницах именно те грани биографии вождя, на которые в СССР было наложено идеологическое табу.

Так или иначе, дискуссия на страницах нью-йоркского русского журнала³ показала: советским властям было что скрывать. Весьма убедительно по этому поводу высказался Луис Фишер, автор одной из лучших зарубежных биографий о Ленине. Говоря о генеалогической стороне портрета российского вождя, он отметил, что можно вывести только одно заключение: «Достоверных сведений о национальном происхождении доктора Бланка никогда не оглашали. Соответствующие документы несомненно имелись в раздутых русских архивах, но большевики сочли нужным, чтобы они не увидели света... Скрытность Кремля в этом отношении, тогда как другим сторонам жизни Ленина уделяются десятки тысяч страниц, можно объяснить желанием создать националистический образ Ленина как стопроцентного, чистокровного великоросса» {11}.

Мы были вынуждены высказаться по этому поводу лишь в силу многолетнего замалчивания и фальсификации тех материалов, которые могли бы пролить свет на жизнь и деятельность этой сложной личности.

Коротко напомнив о предках Ленина, я хотел сказать этим фрагментом о происхождении совсем другое. В этом генеалогическом ребусе человека, оказавшего самое сильное влияние на Россию в XX веке, на страну, которая до недавнего времени носила название СССР, отражена, как в зеркале, судьба великого народа. Предками Ленина были русский, калмычка, еврей, немка. Можно было бы сказать в некотором смысле и о шведском элементе. Конечно, могли быть люди и других национальностей. Но в происхождении Ленина слышен голос русской судьбы: славянское начало и азиатские просторы, еврейский элемент национального интеллекта и немецкая, западная культура. От этого никуда не уйти, да и уходить не надо. Россия – страна по сути своей евразийская, и благодаря случаю или божьему промыслу Владимир Ульянов отразил в своей личной судьбе всю сложность и национальную противоречивость одной из последних великих империй на нашей планете.

Генетическая и генеалогическая селекция истории стихийна и загадочна.

Но здесь мне представляется необходимым сделать одно пространное отступление.

После смерти Ленина еще в 1924 году секретариат ЦК РКП(б) поручил старшей сестре умершего вождя готовить все доступные ей материалы для написания научной истории семьи Ульяновых. Анна Ильинична Елизарова, один из организаторов института Ленина, добросовестно и по своей инициативе взялась за дело и довольно скоро пришла примерно к тем же выводам, которые автор настоящей книги изложил выше. Особенно много ей дали документы из архива Петербургского департамента полиции о происхождении Ленина по линии матери,

² Книги М.И. Ульяновой и А.И. Ульяновой-Елизаровой, посвященные Ленину и его семье, мало что добавляют к официальной историографии.

³ Своими документированными и аргументированными соображениями о предках Ленина поделились Н.В. Валентинов, Д.Н. Шуб, С.М. Гинзбург, А.М. Бургина, анонимный автор под псевдонимом Историк.

как и некоторые другие материалы, которые ей помог достать М.С. Ольминский. Несколько лет (почти восемь) она не делилась с кем-либо о своих находках. Возможно, она сама была тогда носителем национальных предрассудков и не хотела освещать запретную тему.

Но накануне 1933 года, за два года до своей смерти, А.И. Ульянова-Елизарова неожиданно обратилась к Генеральному секретарю партии И.В. Сталину по поводу сделанных ею открытий в генеалогическом древе В.И. Ленина и желательности их опубликования.

Теперь она знала, что прадед Ленина по материнской линии Мойше Ицкович Бланк родился и проживал в городе Староконстантинове, а затем в Житомире. Его сыновья Абель и Сруль (Израиль) приняли христианство и в соответствии с этим изменили имена на Дмитрия и Александра. В 1820 году оба сына были приняты в число воспитанников Медико-хирургической академии в Петербурге, которую успешно окончили в 1824 году{12}.

В письме Сталину А.И. Ульянова-Елизарова писала: «Для вас, вероятно, не секрет, что исследование о происхождении деда показало, что он происходил из бедной еврейской семьи, был, как говорится в документе о его крещении, сыном «житомирского мещанина Мойшки Бланка». Далее Анна Ильинична пишет, что этот факт «может сослужить большую службу в борьбе с антисемитизмом».

Автор письма, тем не менее, утверждает весьма спорные положения о том, что факт еврейского происхождения Ленина «является лишним подтверждением данных об исключительных способностях семитического племени, что *разделялось всегда* Ильичем... (курсив мой. – Д.В.). Ильич высоко ставил всегда евреев»{13}. Это важное признание сестры Ленина многое объясняет. Может быть, поэтому Ленин не раз рекомендовал, что нужно нерусским, особенно евреям, давать высокоинтеллектуальные задания, «а русским дуракам» поручать элементарную работу{14}.

Известно, что Мария Ильинична, передавая письмо сестры Сталину, дождавшись, когда он его внимательно прочтет, услышала в ответ категорическое и жесткое:

– Молчать о письме абсолютно!

Но старшая сестра Ленина через год с лишним проявляет настойчивость и вновь обращается с этим вопросом к Сталину, утверждая, что «в институте Ленина, так и в институте мозга... давно отмечена большая одаренность этой нации и чрезвычайно благотворное влияние ее крови при смешанных браках на потомство. Сам Ильич высоко ценил ее революционность, ее «цепкость» в борьбе, как он выражался, противопоставляя ее более вялому и расхлябанному русскому характеру. Он указывал не раз, что большая организованность и крепость революционных организаций Юга и Запада зависит как раз от того, что 50 % их составляют представители этой национальности»{15}. Вновь почти антирусские заявления от имени вождя...

Сталин, обрусевший грузин, не мог допустить, чтобы люди узнали о еврейских корнях Ленина. Его жесткий запрет действовал долго и прочно.

Когда М.С. Шагинян опубликовала свою книгу «Билет по истории» (книга первая «Семья Ульяновых»), в которой сделала попытку докопаться до генеалогических корней семьи Ульяновых, реакция на это небезопасное подвижничество была непримиримо-угрожающей.

Вначале книга Шагинян была рассмотрена в узком кругу ведущих членов президиума Союза советских писателей. Оценили «ведущие мастера» работу писательницы как «мещанскую» и «идеологически враждебную». Затем через месяц, 9 августа 1938 года, собрался президиум Союза писателей СССР, где, кроме чисто «партийных» литераторов, были и известные мастера: А. Караваева, В. Катаев, М. Кольцов, П. Павленко, А. Фадеев, А. Толстой, Л. Кассиль, другие писатели. В постановлении был сформулирован пункт о том, что, «применяя псевдонаучные методы исследования о т. н. «родословной» Ленина, М.С. Шагинян дает искаженное представление о национальном лице Ленина, величайшего пролетарского революционера, гения человечества, выдвинутого русским народом и являющегося его национальной

гордостью» { 16 }. Конечно, те, кто написал, издал, распространил книгу, были удостоены суровых идеологических осуждений и взысканий.

Документы из разных архивов, содержащие хоть какую-то информацию о родословной Ленина, всего 284 листа, были в 1972 году изъяты и переданы в специальные фонды ЦК партии, где они находились в заключении долгие годы. Партийное руководство сделало Ленина как бы наднациональным лицом – просто «интернационалистом».

Кроме еврейской ветви, весьма интересна и ветвь немецко-шведская. Гросскопфы, как пишет швейцарский историк Л. Хааз, происходили из Северной Германии. Исследователь, в частности, отмечает, что многие из этой фамилии, часто весьма отдаленные от рассматриваемой ветви, оказались известными людьми: прадед Ленина Й.Г. Гросскопф был представителем немецкой торговой фирмы «Шадэ»; достаточно известным был теолог Й. Хефер; З. Курциус – домашний учитель кайзера Фридриха III; В. Модель – генерал-фельдмаршал гитлеровского вермахта. Все предки и родственники Ленина по немецкой линии были богатыми буржуа { 17 }.

А шведская ветвь идет от богатого ювелира К.Ф. Эстедта, жившего в Упсале. Ювелир был поставщиком украшений ко двору короля Густава IV Адольфа. В шведском звене в основном были люди ремесла: парикмахеры, шляпники, портные.

В общих чертах Ленин знал о своем происхождении. Будучи по культуре, языку русским человеком, он никогда не относился к России, своему отечеству, как высшей ценности. Но, естественно, как нам удалось установить, вождь русской революции никогда себя не чувствовал ни немцем, ни шведом, ни евреем, ни калмыком. И хотя в анкетах Ленин называл себя русским, его мироощущение было интернационально-космополитическим. Для него революция, власть, партия были неизмеримо дороже России. Ведь он готов был отдать без колебаний половину европейской России немцам, лишь бы сохранить свою власть!

Но здесь, конечно, главную роль играло не его этническое происхождение, а интернационально-космополитическое мировоззрение. Но при этом нельзя сбрасывать со счетов и потенции влияния на становление индивидуальности предыдущих «звеньев» генеалогического древа, выражающиеся в традициях культуры, мышления, обычаев, психики.

Любая «душа» восходит от родника своих предков.

Но, повторю, при оценке судьбы и деяний Ленина было бы ошибочным придавать повышенное значение национальному элементу. В нем содержались лишь некие этнические потенции, которые реализовались в действительности под решающим влиянием социально-политических условий.

На этом не стоило бы так подробно останавливаться, если бы Ложь – универсальное зло – не понадобилась большевикам и здесь, чтобы, сначала сокрыв обычное, естественное, привычное в России смешение национальных кровей, не сделать затем этнически «чистого» вождя.

Семья Ульяновых, осев в 1869 году в Симбирске, вела в основном тот же образ жизни, что и большинство служивых людей, чиновничество, мещане того времени. Но более высокий интеллектуальный уровень Марии Александровны и Ильи Николаевича наложили свой решающий отпечаток на духовную жизнь семьи. Рядом с Владимиром росли два брата и три сестры: Анна (родилась в 1864 году), Александр (1866 г.), Ольга (1871 г.), Дмитрий (1874 г.) и Мария (1878 г.). Был и брат Николай (1873 г.), который скончался младенцем, была и еще одна Ольга (1868 г.). Родителям очень хотелось иметь дочь Ольгу. Когда первая Ольга умерла при рождении, через три года родившейся девочке дали вновь это имя. Но не суждено было долго жить и этой симпатичной и умной девушке; вторая Ольга умерла двадцати лет от роду.

Мария Александровна не кончала университетского курса, но благодаря основательному домашнему воспитанию и заботам своей тетки Екатерины Гросскопф была весьма образованной женщиной. О том, как воспитывался Ленин, его братья и сестры, написано множество книг. В них много верного, но много и преувеличенно-слащавого. По словам авторов некоторых публикаций, Ленин проявил свою «гениальность» едва ли не с пеленок. Автор настоящей

книги не намерен воспроизводить картины домашнего быта семьи Ульяновых, а отметит лишь несколько деталей, обычно выпадающих из многочисленных описаний.

Действительно, Володя Ульянов был очень способным, даже талантливым ребенком. Здесь огромную роль сыграли высокая образованность отца и матери, вся духовная атмосфера дружной, как сказали бы сейчас, и благополучной семьи. Этому в немалой степени способствовал достаток и высокое положение отца. В Симбирске Ульяновы приобрели хороший дом, в котором старшие трое имели по своей комнате, а матери помогала кухарка; была в семье няня Варвара Григорьевна, для хозяйственных работ (уборка снега, распиловка дров) нанимались работники. Социальные условия для развития Владимира, как и его братьев и сестер, были хорошими. Семья не знала нужды, как впоследствии говорил и сам Ленин.

Илья Николаевич, поднявшись с должности рядового педагога на пост инспектора народных училищ, через несколько лет становится их директором. Это действительно был подвижник народного образования и выдающийся педагог. Он высоко был оценен властями: получил ордена (в том числе Станислава первой степени) и в конце концов заслужил чин действительного статского советника. В табели о рангах это приравнивалось к званию «штатского» генерала. К этому времени И.Н. Ульянову высочайше было пожаловано дворянство, что автоматически и юного Владимира сделало дворянином. Положение семьи и ее членов было, казалось, прочным, пока не наступила смерть отца и неожиданно для всех – арест и казнь старшего сына.

Володя все время шел первым учеником, но, конечно, никакого еще «революционного свободомыслия» не проявлял, как об этом позже много писали. Директор гимназии Федор Михайлович Керенский, отец будущего «героя момента» Февральской революции, не раз публично высказывал свое восхищение способностями и прилежанием гимназиста Ульянова. Большие личные способности, благополучие семьи, высокая интеллигентность родителей, удачный «расклад» школьных учителей создали тот благодатный комплекс позитивных формирующих факторов, которые заложили сильный интеллектуальный фундамент молодого Владимира Ульянова.

Одновременно частые похвалы, подчеркивание родителями и учителями особых способностей, пионерство в учебе исподволь формировали в юноше глубокую внутреннюю самоуверенность, ощущение некоего умственного превосходства над сверстниками. В семье он был «любимчиком», привык всегда находиться в центре внимания и даже почитания, что не могло не наложить определенной печати на складывающийся характер и психологию молодого Ульянова. Как впоследствии не раз отмечали Мартов, Потресов, Валентинов и некоторые другие известные марксисты, Ленин не был тщеславен, но не скрывал своего морального «права» на первенство, в которое он уверовал еще с гимназической скамьи. Уже тогда свое первенство молодой Ульянов считал возможным подтверждать грубым моральным давлением и нетерпимостью к иным взглядам.

Студенческий товарищ Александра Ульянова В.В. Водовозов вспоминал, как «после посещения семьи Ульяновых обнаружилось, что близко сойтись с Владимиром он ни в коем случае не может. Его возмущала невыносимая полемическая грубость Ульянова, его безграничная самоуверенность, самомнение, разжигаемое тем, что (уже тогда!) в семье его считали «гением», а окружающие видели в нем непререкаемый авторитет»{18}.

Семья Ульяновых была русской семьей, испытавшей опосредованно влияние внешне незаметных течений, обычаев, привычек разных культур, что существовали тогда в российском этносе. Счастливая комбинация многих факторов – материального, духовного, культурного, личностного – предопределила успешное развитие в детстве и юности человека, которому было суждено стать в будущем, как выразился Виктор Чернов, «Робеспьером русской революции»{19}.

Но духовное и политическое самоопределение Владимира Ульянова было еще впереди. Одной из решающих ступеней этого самоопределения стала судьба старшего брата Александра.

Сильный интеллектуальный ковчег молодого Ульянова, сотворенный классическим школьным знанием и самообразованием, стало наполнять нечто новое и необычное.

Александр и Владимир

Каждый человек, проходя по долине своей судьбы, не знает, будут ли на его пути крутые повороты или даже зигзаги. Не все зависит от самой личности. Иногда такой поворот внешне малозаметен, но роль его во всей дальнейшей жизни человека огромна. Вот таким внутренним поворотом, духовным мятежом в сознании Владимира отозвалась трагедия семьи Ульяновых – казнь старшего брата Александра.

Но поворот, толчок, не был буквальным, как его стали трактовать уже после революции. В обиход вошла фраза, якобы сказанная Владимиром Ульяновым своей малолетней сестре Марии после получения известия о казни брата: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти» {20}.

Возможно, молодой Ульянов и говорил эти слова, которые потом канонизировали и миллионы уст школьников и студентов повторяли как божественное откровение в конечной инстанции. Может быть, Владимир Ульянов и сказал эту фразу, но нам очевидно и другое: у гимназиста еще не было никаких революционных взглядов и он не мог в то время рассуждать о тех или иных революционных «путях». Хотя официальная историография, превращая юношу в святого марксиста буквально с детства, утверждала, что еще в начале 1887 года смерть старшего брата «укрепила его революционные взгляды» {21}. Гимназист уже представлен революционером, что совершенно не соответствует истине. Идеологическая гипертрофия начала свое многолетнее дело... Как же обстояло все в действительности и каким образом казнь старшего брата оказала воздействие на семнадцатилетнего Владимира Ульянова?

Долгое время в официальной лениниане господствовали взгляды о революционном влиянии отца Ленина на своих детей. «Как педагог Илья Николаевич особенно усердно читал Добролюбова, – сообщал теоретический орган ЦК ВКП(б) «Большевик». – Добролюбов покориł честное сердце Ильи Николаевича, и это определило работу Ильи Николаевича как директора народных училищ и как воспитателя своего сына – Ленина и других детей, которые все стали революционерами» {22}. В неуклюжей фразе, которая принадлежит Н.К. Крупской, делается попытка показать отца Ульяновых чуть ли не наставником революционеров! Это чрезвычайно далеко от истины.

Директор народных училищ И.Н. Ульянов был очень образованным и культурным педагогом своего времени, что не мешало ему быть глубоко набожным и довольно консервативным человеком. Его старшая дочь Анна вспоминала, что отец «никогда не был революционером и хотел от этого духа уберечь молодежь», был большим поклонником Александра II, царствование которого, особенно его начало, было для него светлой полосой {23}. О гражданской лояльности отца самодержавию говорит и младшая дочь – Мария Ильинична: «Илья Николаевич не был революционером, и у нас слишком мало данных, чтобы судить о том, как он относился к революционной деятельности молодого поколения того времени» {24}.

Думаю, эти свидетельства верно отражают положение дел. Для истины важнее отметить иное обстоятельство. Педагог по глубокому внутреннему призванию, И.Н. Ульянов очень многое сделал для создания в семье демократической, гуманной обстановки. Глубокое согласие со своей женой, доброта к детям, демократизм отношений старших с младшими, поощрение трудолюбия и усидчивости сформировали весьма благоприятную атмосферу и почву для того, чтобы семена свободомыслия имели возможность прорасти, если бы они сюда попали. Именно этим Илья Николаевич и его семья создали предпосылки для принятия их детьми, и прежде всего Александром и Владимиром, радикального хода мыслей. А выдумки о революционном влиянии на мировоззрение детей «песен Некрасова», которые, «бывало, вполголоса

в поле пел Илья Николаевич», все из той же идеологической заданности «революционности» вождя чуть ли не с детства.

Нет, не Илья Николаевич «сделал» Ленина революционером. Но он и его жена воспитали у своих детей способность *изменяться*, чувствовать необходимость перемен. Отец Ленина скончался в январе 1886 года, когда гимназисту Владимиру Ульянову не было полных шестнадцати лет.

Еще не похоронив мужа, М.А. Ульянова подает прошение о пенсии ей и детям, а немного позже – еще одно прошение попечителю Казанского учебного округа с просьбой о единовременном пособии. Отныне нужно было жить на пенсию и на тот доход, который приносило имение Кокушкино под Казанью, совладелицей которого была Мария Александровна. В сентябре 1886 года Симбирский окружной суд утверждает в правах наследства на имущество мать и ее детей в соответствующих по закону частях.

После казни Александра и исполнения семнадцати лет Владимиру его регистрируют на призывном участке как военнообязанного (апрель 1887 года){25}. Но вскоре, в соответствии с российским законом (оставшийся старший сын-кормилец при вдове), снимают с приписного учета{26}. Солдатская доля теперь не могла угрожать В. Ульянову в его намерении получить солидное образование. Хотя в семье не было кормильца, учиться могли все благодаря очень солидной пенсии. Тем более что духовная устремленность матери и детей к учебе, культуре, высокой образованности была сильной.

Если интеллектуальная, духовная атмосфера семьи создала предпосылки для появления в сознании Владимира Ульянова радикальных идей свободомыслия, то судьба старшего брата стала катализатором этого процесса. Очень сомнительно, чтобы трагическая кончина брата могла изменить революционный вектор направленности гимназиста по той простой причине, что этой «направленности» просто еще не было. В знаменитой, но сомнительной фразе, приписываемой Владимиру Ульянову, еще одно место вызывает большие вопросы: слово «мы». В фразе «Нет, мы пойдем не таким путем...» совершенно загадочным предстает местоимение «мы». У гимназиста Владимира Ульянова было немного школьных друзей, но в их среде не было никаких «тайных обществ» или «кружков». Думаю, что или М.И. Ульянова, со слов которой пущена в широчайший идеологический обиход эта фраза, запомнила, что сказал Владимир, получив известие о смерти брата (ведь ей тогда было всего девять лет!), или она, эта фраза, родилась под влиянием именно тех обстоятельств, которые наложили тяжелую печать на всю советскую историю. По-человечески, далее, трудно представить, как сообщает Биохроника, что, «получив это известие», Владимир сразу сказал именно эту фразу, сделавшую его навсегда «правильным» революционером.

В истории есть тайны и мистификации. Если эта фраза не мистификация, то содержание всех слов, которые сказал Владимир Ульянов, узнав о казни Александра, вероятно, навсегда останется тайной истории. Не мог же брат ограничиться при получении трагического известия лишь этим лозунгом!

Старший брат Владимира Александр был одаренным юношей. Золотая медаль по окончании гимназии говорит о многом. Вероятно, он мог стать крупным, а то и выдающимся ученым. Еще в гимназии Александр увлекался естественными науками, особенно зоологией, быстро овладел тремя европейскими языками и в Петербургском университете, куда он поступил в 1883 году, скоро стал одним из лучших студентов. За месяц до скоропостижной смерти отца Александр за работу о кольчатых червях получил золотую медаль университета. Ничто не говорило, что юношу захватит ветер общественных движений.

К политическим кружкам в университете на первых курсах учебы Александр относился равнодушно, даже скептически, но позже, когда познакомился со студентами Лукашевичем, Говорухиным, Шевыревым, постепенно стал попадать под влияние ферментов общественного движения. Видимо, Лукашевич и Говорухин в какой-то мере, вероятно, в самой общей форме,

приобщили Александра к трудам Маркса, Энгельса, Плеханова. И тот и другой понимали марксизм в контексте необходимости насилия как средство для изменения существующих условий. Наиболее радикально был настроен Шевырев, который убежденно доказывал, что лишь устранение тиранов может преобразовать жизнь на справедливых началах. Александр, встречаясь с тройкой тайных ниспровергателей, поначалу больше слушал, но постепенно, увлекаемый внутренней логикой радикализма, уверовал в необходимость решительных шагов. И хотя Александр Ульянов был во власти научных планов, новых исследований, юноша считал нравственно непорядочным быть в стороне, как говорили его новые товарищи, от «идей прогресса и революции».

Во время учебы Александра в университете его связь с братом Владимиром была номинальной и эпизодической: письма семье домой, где содержались приветы всем. Но и когда старший сын приезжал на лето, особой близости между братьями не было. Дети, живя в семье очень солидарно, дружили больше «парами». Володя был сильно близок в дружбе с Олей, хотя и преклонялся перед умом старшего брата.

Старшая сестра Анна вспоминала, что однажды, уже после смерти отца, разговарившись с Александром, она вдруг спросила его:

– Как тебе нравится наш Володя?

– Несомненно, человек очень способный, но мы с ним не сходимся {27}.

Естественно, старшая сестра поинтересовалась:

– Почему?

– Так... – не пожелав объясниться, сказал брат.

Может быть, это едва ли не единственное место из апологетических воспоминаний родных, в котором делается какой-то намек на то, что во взаимоотношениях братьев и сестер (как и в каждой нормальной семье!) бывали какие-то облачка и шероховатости, а может, и более серьезные коллизии. Но здесь, в тексте воспоминаний, это место осталось явно по «недосмотру» редактора: у будущего вождя не должно быть «пятен». Хотя лаконичное «не сходимся» связано, конечно, не с политическими позициями и оттенками поведения братьев, а, скорее всего, с проявлениями резкости в суждениях Владимира.

Эта грань юношеского профиля ясно просматривается у Владимира, хотя почти все, кто писал портрет вождя, старались ее затушевать. Эта же грань стала позже рельефной, когда Ульянов стал одним из руководителей российских социал-демократов, и просто явно выпуклой при превращении Ленина в «вождя». Представляется, что самые ранние истоки нетерпимости и резкости были замечены еще братом Александром, человеком явно более мягким и совестливым.

По описаниям ряда историков, вероятно, решающим толчком к переходу Александра в группу друзей-заговорщиков послужила акция царской полиции, разогнавшей 17 ноября 1886 года студенческую демонстрацию памяти Добролюбова. Аресты и высылки из столицы некоторых знакомых студентов поставили перед Александром нравственную проблему своего личного выбора: как он должен поступить в этой ситуации? Такие ключевые моменты в линии судьбы бывают у каждого. Наступил он и у Александра.

Николай Владиславович Валентинов, возможно, один из первых проницательных историков, попытавшийся освободить образ Ленина из-под нагромождений идеологических мифов, писал по атому поводу: Александр постепенно стал испытывать заметное влияние Шевырева, проводившего радикальные действия. Уклоняться от политической борьбы безнравственно, «а при нынешних условиях действительной борьбой с царизмом может быть только террор. Болезненно чуткий к указаниям на безнравственность, А. Ульянов, после мучительных колебаний, начинает разделять эти взгляды и, раз на то пошло, делается уже прямым сторонником не случайного, а, как он заявляет, систематического террора, устрашающего, способного сотрясти самодержавие» {28}.

Группа студентов под руководством Шевырева растет, в нее входят Андреюшкин, Осипанов, Генералов, Канчер, Горкун, Лукашевич, Говорухин, Ульянов. Дежурства «метальщиков» бомбы и «разведчиков» по маршруту поездок царя из дворца в Исаакиевский собор начались с 26 февраля. Но заговорщики были очень неопытны; 1 марта полиция, перехватив письмо Андреюшкина, арестовала всю группу. Семья Ульяновых была потрясена, узнав о постигшей беде, но надеялась на милость императора. Мария Александровна Ульянова, спешно приехав в столицу, подала прошение на имя Александра III. В нем, в частности, говорилось: «О Государь! Умоляю, пощадите детей моих. Возвратите мне детей моих. Если у сына моего случайно отуманился рассудок и чувство, если в его душу закрались преступные замыслы, Государь, я исправлю его: я вновь воскрешу в душе его лучшие человеческие чувства и побуждения, которыми он так недавно еще жил. Милости, Государь, прошу милости».

Этой драме, которая привлекла внимание России в конце прошлого века, посвящено немало публикаций. Наиболее интересны из них – в журналах «Былое» и «Голос минувшего». Читатель, видимо, знает, что все хлопоты матери оказались напрасными не только из-за «жестокости» царя, но и из-за отказа сына подать прошение о помиловании. Кто пересилил себя, поступившись революционным достоинством, тот был помилован: смертная казнь была им заменена многолетней каторгой.

Процесс был очень коротким: 15 апреля начался, а 19-го был оглашен приговор. Нераскаявшиеся Андреюшкин, Генералов, Осипанов, Ульянов и Шевырев были приговорены к повешению. Но спасение еще брезжило в их душах. Во время свидания матери с сыном после приговора на ее мольбы подписать прошение Александр тихо, но твердо произнес:

– Не могу сделать этого после всего, что признал на суде. Ведь это будет неискренне.

Присутствовавший на процессе и свидании матери с сыном юрист Князев уже после Октябрьской революции вспоминал, что в беседе Александр приводил такой довод: «Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего противника, другой еще нет, и тот, кто выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить!»

Поведение Александра было в высшей степени мужественным. Его последним желанием, высказанным матери, была просьба: дать что-нибудь почитать из Гейне. Князев помог найти томик сочинений, и великий немецкий поэт последние дни жизни Александра на этой земле был его душеприказчиком и духовником... Ожидая рокового, последнего грохота запора камеры каземата, Александр мог шептать слова поэта:

В часах песочная струя
Иссякла понемногу... {29}

За два часа до повешения во дворе Шлиссельбургской крепости 8 мая 1887 года, после полуночи, осужденным объявили, что скоро казнь. То был последний шанс обратиться с прошением. Но и перед лицом вечного небытия молодые русские люди, будучи неправыми исторически, в моральном смысле оказались достойными народной памяти. Они не были фанатиками идеи, но верили, что судьбы народа могут изменить революционные акты насилия против тиранов. Большевики, которые появятся в начале приближающегося века (который станет почти весь «их» веком), на словах осуждали индивидуальный террор, а на деле провозгласили террор, но уже *массовый*. Попытки студентов изменить вектор развития, почитавших честь и достоинство дороже самой жизни, выглядели и выглядят исторически наивными. Но нельзя не восхищаться их готовностью к жертвенности во имя идеалов освобождения. Таких, особенно среди русских народников, всегда было много. Возможно, именно в этой среде нашла свое выражение «русская идея»: туманная и аморфная, но великая и бессмертная.

В день казни Владимир Ульянов в Симбирске сдавал письменный экзамен по геометрии и арифметике, получив за эту работу обычное «пять». В семье верили в распространившийся слух, что смертная казнь в последний момент будет заменена заточением в крепости. Во время последнего свидания с сыном мать, желая передать эту надежду Александру, при прощании только сказала: «Мужайся, мужайся...» {30} Как оказалось, это были последние слова благословения матери, которыми она поддержала сына в часы его мужественного и рокового выбора.

В семье Ульяновых надолго поселилось горе. Мать, в трауре, после долгих молений не раз просветленно говорила, что Саша перед смертью приложился к кресту... Пусть Богом он будет прощен...

Младший брат был потрясен смертью Александра. Позже он узнает, что Саша принимал участие в разработке «Программы террористической фракции Народная воля». Документ несет печать марксистского влияния, однако наивен в своей прямолинейности и, как сказали бы сегодня, «казарменности». Но Владимир Ульянов, долго находясь под воздействием семейной трагедии, думал не столько об идеях, которые захватили брата и его друзей, а о стоицизме и силе духа молодых террористов-заговорщиков. Крутой поворот в долине своей судьбы юный Ульянов сделал не в определении путей борьбы: террор или массовые движения. Нет. Гимназист еще не имел собственных взглядов по этому вопросу. Но где-то в глубине души он созрел для понимания – и это станет скоро ядром его мировоззрения, – что без радикализма, помноженного на волю к достижению цели, на революционной стезе делать нечего.

А в отношении того, что «мы не пойдем таким путем», Владимир Ульянов действительно и «не пошел». В частности, это выражалось и в том, что будущий вождь понял: совсем необязательно самому быть «металлыщиком» пироксилиновых бомб, которые делал несчастный Саша. Необязательно находиться и на баррикадах, самому подавлять восстания, быть на фронтах Гражданской войны... И он никогда там и не был и непосредственного ничего «не подавлял». Главное – не в деяниях одиночек. Главное – управлять *массой*. Огромной. Бесчисленной. Почти бессознательной. «Не таким путем надо идти». Младший брат пошел действительно совсем иным путем. Более эффективным, но менее благородным.

Кто знает, может быть, казнь Александра помогла Владимиру взобраться на броневики в апреле 1917 года?

Трагедия семьи Ульяновых по большому счету – трагедия русской идеи, трагедия российского выбора, трагедия народа, за который небольшевики и сегодня вновь пытаются решать: каким путем ему идти...

Предтечи революционера

Самая большая тайна – это тайна человеческого сознания. Лабиринты, катакомбы, тупики, магистрали хода мысли трудноуловимы и часто непредсказуемы. Сознание личности – безбрежный космос, необъятная галактика, в которых всегда есть и будут неизвестные, загадочные планеты. Так и духовный мир Ульянова, столь пристально изучаемый на протяжении многих десятилетий, по-прежнему несет в себе много таинственного, загадочного и непознанного.

Одна из таких тайн кроется в определении духовных предтеч революционера. Явилась ли казнь брата основным толчком, подвинувшим молодого Ульянова на революционную тропу? Кто был его властителем дум? Каково место марксизма в духовном выборе? Были ли Маркс и Энгельс единственными кумирами Владимира? Историки и философы дают на эти вопросы самые разные ответы. Официальная партийная мысль, естественно, видит путь идеологического выбора В.И. Ульянова одномерным, строго детерминированным, безапелляционным.

Так, Н.В. Валентинов полагает, что интеллектуальным генератором и вдохновителем Ленина был Н.Г. Чернышевский. Исследователь полагает, что Владимир Ульянов «познал и

впитал в себя Чернышевского, покорившего его раньше, чем произошло знакомство Ленина с марксизмом». Чернышевский, писал Валентинов, «предстал перед 18-летним Лениным в образе, поражающем воображение: страстного проповедника блага и добра с окровавленным топором в руке» {31}. Луис Фишер уверяет, что на духовное становление российского вождя большое влияние оказали идеи народovolьцев {32}. Рональд Кларк, попытавшийся сказать о Ленине нечто, скрываемое «исторической маской», не без основания пишет, что Ленин никогда не отказывался полностью от идеи террора и герои-народovolьцы всегда были ему симпатичны. Именно они дали ему заряд к пересмотру традиционных взглядов на общественную эволюцию {33}. Один из первых советских официальных биографов Ленина, лично хорошо знавший его П. Керженцев, в свою очередь полагает, что формирование Ленина как революционера началось особенно интенсивно после его знакомства с литературой, издававшейся группой «Освобождение труда» под руководством Г.Е. Плеханова и П.Б. Аксельрода {34}. Можно долго «инвентаризировать» бесчисленные точки зрения исследователей, современников, соратников Ленина по вопросу: кто был его предтечей? Кто оказал решающее воздействие на интеллект этого человека в моменты критического выбора стратегии своей жизни?

Но можно на эту проблему посмотреть и с другой стороны: как сам Ленин оценивал духовные истоки своего становления и предопределенность первых революционных шагов. Карл Радек, блестящий памфлетист и эквилибрист парадокса, в своем эссе о Ленине в 1933 году написал: «Когда Владимир Ильич однажды увидел, что я пересматриваю только что появившийся сборник его статей 1903 года, его лицо осветилось хитрой улыбкой и он, хихикая, сказал: «Очень интересно читать, какие мы были дураки» {35}.

Вероятно, это нельзя понимать буквально, но своей фразой Ульянов (Ленин) косвенно выразил мысль древних: нельзя в одну реку войти дважды. Становление мировоззренческих опор есть сложный процесс. То, что кажется незыблемым, вечным, непреходящим вчера, сегодня может менять тона, окраску, а иногда и вектор движения. Но свою роль исходные, первичные идеи, мотивы исторически уже сыграли, даже если они в последующем пересмотрены или даже отвергнуты.

Весьма образно процесс синтеза разных влияний, которые испытал Ульянов, вырабатывая из себя того, кем он стал, изложил его политический противник Уинстон Черчилль. Касаясь юношеского, «ломающегося» возраста Ульянова, великий англичанин написал: «Его ум был выдающимся инструментом. Когда он загорался, перед ним высвечивался весь мир, его история, его горести, его глупость, его фальшь и, помимо всего прочего, его несправедливость. В его фокусе отражались все факты – как самые неприятные, так, в равной мере, и самые воодушевляющие. Интеллект был емким, а порой превосходным. Это был универсальный ум, редко в таких масштабах встречающийся у людей. Казнь старшего брата пропустила этот яркий белый свет сквозь призму, а призма преломила его в красный» {36}. Воистину «призма», выражающая сложнейшее сочетание обстоятельств, «окрасила» мышление этого человека в революционные красные цвета. Что же это за обстоятельства?

Видимо, одним из ведущих обстоятельств является политика самих властей по отношению к Владимиру Ульянову и его семье. При поступлении вчерашнего гимназиста в Казанский университет Ф.М. Керенский дает ему блестящую характеристику и, как бы упреждая подзрения к семье, связанные с Александром, пишет: «Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии не похвальное о себе мнение» {37}. Даже когда Ульянов был в декабре 1887 года исключен из университета, Керенский, как бы защищая юношу и оправдывая свои рекомендации, объясняет случившееся казнью Александра: Владимир Ульянов «мог впасть в умоисступление вследствие роковой катастрофы, потрясшей несчастное семейство и, вероятно, губительно повлиявшей на впечатлительного юношу» {38}. Но при первом же уча-

стии в студенческой сходке в Казанском университете, где Ульянов не закончил еще и одного семестра, он был сразу же «мечен» начальством.

Попечитель Казанского учебного округа писал после случившегося: Владимир Ульянов «за два дня до сходки подал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курительной, беседуя с Зегрждой, Ладыгиным и другими, уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще о чем-то шушукаясь; 4-го же декабря бросился в актовый зал в первой партии, и вместе с Полянским первыми неслись по коридору 2-го этажа...» {39}. Ульянов не руководил сходкой, которая к тому же имела явно «вегетарианский», либеральный характер, но, учитывая, что студент является братом казненного «государственного преступника», он не только исключается из университета {40}, но и выдворяется из Казани в родовое в каком-то смысле имение Кокушкино.

Родство с государственным преступником не только способствовало исключению из университета, но и создало довольно устойчивую реакцию отторжения молодого Ульянова от официальной системы образования, сопутствия его имени синдрома неблагонадежности и подозрительности. Когда весной 1888 года мать Ульянова подала прошение о восстановлении сына на учебу в университете, то в департаменте полиции на документе появилась резолюция его директора П.Н. Дурново: «Едва ли можно что-нибудь предпринять в пользу Ульянова» {41}. На другом документе этого же характера директор департамента народного просвещения выразил свою мысль еще более определенно: «Уж это не брат ли того Ульянова? Ведь тоже из Симбирской гимназии? Да, это видно из конца бумаги. Отнюдь не следует принимать» {42}.

Подвергая остракизму молодого Ульянова, царские власти все больше сужали поле выбора опальному студенту. Его солидарность с покойным братом в смысле неприятия самодержавной системы становилась все более определенной. Смиренная позиция, выразившаяся в повторных просьбах и принятии требуемых рутинных форм обращений: «Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне поступление в Императорский Казанский Университет»; «имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне отъезд за границу для поступления в заграничный университет» и т. д. с подписями не только «бывший студент Императорского Казанского Университета», но и «дворянин Владимир Ульянов» {43}, не возымела на первых порах успеха. Власть, отторгая Ульянова, усиливала в его сознании протест, духовное неприятие существующих порядков.

Созреванию мятежных мотивов весьма способствовали и семейные обстоятельства. После исключения из университета у Ульянова не было нужды идти зарабатывать себе кусок хлеба грузчиком в порт или приказчиком, как его дядя в Астрахани, к какому-нибудь купцу. Ленин, как всегда подчеркивается в официальной историографии, «ссылается»... в родное имение Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии, а затем переезжает с семьей на свой хутор Алакаевка, что примерно в пятидесяти верстах от Самары. Ульянов отдается самообразованию, читая Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Ч. Дарвина, Г. Бокля, Д. Рикардо, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И. Успенского. Именно здесь он имеет возможность приступить к «Капиталу» Маркса, другим его работам. Забот особых не было. Как и после того, когда семья осенью 1889 года переезжает в Самару. Полиция, конечно, присматривает за неблагонадежным молодым человеком, но тот не доставляет ей хлопот. Несмотря на многочисленные «труды» о «самарском революционном» периоде, его очень трудно назвать таким. Знакомится с руководителем социал-демократического кружка А.П. Складенко, присутствует на нелегальном собрании кружка, эпизодически встречается с некоторыми марксистами... Не густо. Точнее, нужно было бы сказать, что это был период самообразования, самоопределения, подготовки и сдачи экстерном экзаменов за курс Петербургского университета. Молодому человеку скоро исполнится двадцать два года; в руках у него диплом первой степени юриста, и он зачисляется помощником присяжного поверенного

Самарского окружного суда. Здесь, правда, Ульянов не преуспеет, а быстро охладает к хлопотному труду защитника в суде.

Ему доведется участвовать лишь в нескольких делах (мелкие кражи, имущественные претензии), которые сложились для него с переменным успехом. Но в своей юридической практике он будет дважды защищать собственные интересы и оба раза выиграет. В одном случае выиграет дело против соседних крестьян, допустивших потраву в поместье Ульяновых. В другом – когда его, едущего на велосипеде, собьет автомобиль виконта в Париже.

Ленин не любил вспоминать о мелкой собственной судебной практике. Какое это имело значение перед тем, что он выиграет историческое дело! По крайней мере, так будут думать люди несколько десятилетий.

Однако вернемся к революционным истокам молодого волжанина. Именно в этот период «интеллектуальное пространство» Ульянова подвергается интенсивному заполнению широким спектром самых различных идей, концепций, взглядов. Н.В. Валентинов вспоминал свой разговор с В.И. Ульяновым в Женеве в 1904 году, когда тот, говоря о «сидении» в Кокушкине после исключения, рассказывал «о чтении запоем с раннего утра до позднего часа». Ульянов продолжал, что его «любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное им в «Современнике» я прочитал до последней строки и не один раз... До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, *подавляющее* влияние имел на меня *только* Чернышевский, и началось оно с «Что делать?». Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления...»{44}.

Валентинов полагает, что Чернышевский, «перепахав» Ульянова (выражение самого Ленина) еще до приобщения к Марксу, сделал молодого человека революционером. Эту мысль оспаривает М. Вишняк, который в следующем номере русского нью-йоркского журнала утверждает: «Н. Валентинов пытается «канонизировать» Чернышевского как предтечу Ленина». Но это верно лишь в том смысле, что Ленин стал перечитывать Чернышевского через месяц-два после казни брата. «Почва была подготовлена к перепахиванию». Автор утверждает, что главный революционный заряд Ульянов получил не от «бездарного и примитивного романа» Чернышевского, а от вести о казни брата{45}.

Критикуя друг друга, два историка подходят к общему выводу: Чернышевский стал для Ленина Иоанном Крестителем благодаря трагедии с братом Александром. В этом смысле, по идее Валентинова, «Что делать?» Ленина является как бы продолжением «Что делать?» Чернышевского. Внешне это совершенно разные вещи: у одного – скучный романизированный трактат, у другого – революционное поучение. Но общего много: новый мир могут создать новые люди. Просто Ленин героев Чернышевского: Рахметова, Кирсанова, Лопухова, Веру Павловну – облачает в плащи «профессиональных революционеров».

Эта коварная выдумка о «профессиональных революционерах» не безобидна, а зловеща и опасна. «Профессиональный революционер» (а было ох как почетно после октябрьских событий 1917 года причислить себя к этому ордену!), по сути, считал нормальным нигде и никогда не работать, не служить, а, стоя в стороне или «располагаясь» над социальными и экономическими процессами, – часто находясь очень далеко за околицей отечества, – узурпировать право решать судьбоносные вопросы за миллионы других людей!

Однако нельзя видеть буквально «искусительство» Чернышевского по отношению к Ленину⁴. Но писатель способствовал, судя по анализу работ Ульянова, проникнуться ему глу-

⁴ К слову, Ленин, преисполненный высоких чувств к Н.Г. Чернышевскому, в сентябре 1888 года пишет ему письмо, но ответа не дождался. Через год, узнав о его смерти, рисует на фотографии писателя крестик и делает подпись: «Октябрь 1889

бокой неприязню к либерализму, что уже отчетливо видно в одной из первых его крупных работ «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Ленин, многократно апеллировавший к Чернышевскому, именуя его суждения «гениальными провидениями», упоминает в качестве таковых «мерзости» компромисса «либералов и помещиков», компромисса, который лишь и мешает «открытой борьбе классов» в России{46}. Ульянов хочет видеть в лице Н.Г. Чернышевского явного союзника в борьбе с либеральной буржуазией. Чернышевский В.И. Ульянову понадобился, в частности, и затем, чтобы доказать наличие «целой пропасти» между социалистами и демократами{47}.

По сути, Ленин использует Н.Г. Чернышевского для «русификации» западного марксизма, где слишком много либерального и демократического и мало «борьбы классов». Мы знаем, что в последующем раскол российских социал-демократов произойдет именно по линии отношения к демократии, легальным, парламентским формам борьбы, места в ней партий и сил либерального толка. Так что предтечей Ленина как революционера стали мыслители, лелеявшие идеи, которые усиливали в марксизме именно силовые, жесткие, классовые грани этого учения. Чернышевский (впрочем, разве он один?) был духовным союзником В.И. Ульянова в этой трактовке набравшего в России силу марксизма.

Поэтому было бы более верным сказать, что Ленин в своем становлении руководствовался прагматическими соображениями. Молясь классическому марксизму, он мог заимствовать концепцию или идейку, аргумент или опровержение у Чернышевского, Ткачева, Бакунина, Нечаева, Клаузевица, Струве, Успенского, Постникова, Лаврова, Герцена... Свой «силовой марксизм» Ульянов укреплял всем, что делало учение бескомпромиссным, жестким, радикальным. Крупская, вспоминая первые недели становления советского строя, писала: «Изучая самым внимательным образом опыт Парижской коммуны, этого первого пролетарского государства в мире, Ильич отмечал, как пагубно отразилась на судьбе Парижской коммуны та мягкость, с которой рабочие массы и рабочее правительство относились к заведомым врагам. И потому, говоря о борьбе с врагами, Ильич всегда, что называется, «закручивал», боясь излишней мягкости масс и своей собственной»{48}.

Внимательный читатель может поморщиться, встретив в перечне фамилий те или иные одиозные имена, например С.Г. Нечаева. Ведь известно, что и Маркс и Энгельс осудили нечаевщину. Сколько раз осуждал индивидуальный террор и Ленин! Но Нечаев – не только певец террора, но и синоним российского бланкизма. Заговор, тайные планы свержения, беспощадного уничтожения ненавистных руководителей и правительств – визитная карточка бланкизма. Осуждая бланкизм на словах, Ленин не колеблясь прибегал к нему в решающие моменты, что дало основание Плеханову еще в 1906 году заявить: «Ленин с самого начала был скорее бланкистом, чем марксистом. Свою бланкистскую контрабанду он проносил под флагом самой строгой марксистской ортодоксии»{49}. Владимир Бонч-Бруевич в одной из своих статей вспоминал, что «с легкой руки Достоевского и его омерзительного, но гениального романа «Бесы» (сюжет романа связан с конкретным фактом убийства студента Иванова Нечаевым и членами его общества «Тайная расправа») даже революционная среда стала относиться отрицательно к Нечаеву, совершенно забывая, говорил Ленин, «что он обладал особым талантом организатора, конспиратора, умением свои мысли облачать в потрясающие формулировки...». Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос, кого же надо уничтожить из царствующего дома, Нечаев дает точный ответ... Да весь дом Романовых!.. Ведь это просто до гениальности...»{50}.

Не по призыву Нечаева придет время и «весь дом Романовых» будет уничтожен. Это будет сделано по приказу тех, кто думал во многом так же, как русский фанатик, давший печальное название индивидуальному террору – «нечаевщина»... Уход от либерализма в поли-

тике привел к тому, как вспоминал Владимир Войтинский, лично знавший Ленина, что будущий вождь еще в начале века любил вести беседы о необходимости борьбы с «либеральными благоглупостями... То было ловкой, талантливой проповедью революционного нигилизма. Революция – дело тяжелое, говорил Ульянов. В беленьких перчатках, чистенькими ручками ее не сделаешь... Партия не пансион для благородных девиц... Иной мерзавец может быть для нас именно тем полезен, что он мерзавец»{51}.

Вспомним «Катехизис революционера» Нечаева. В нем есть такие строки: «Нравственно для него (революционера. – Д.В.) все, что способствует делу революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему». Почти буквально повторяется у Ленина в речи на III съезде РКСМ эта идея: нравственно все то, что способствует победе коммунизма. Впрочем, аморализм Ленина, его этический релятивизм был известен давно. В своей беседе с М. Спиридоновой в 1918 году Ленин цинично поведал: в политике нет места нравственности, там властвует лишь целесообразность.

Все, что сказано здесь, можно пытаться опровергать. Я же ссылаюсь лишь на людей, которые знали, слышали, говорили с Лениным. Он взял марксизм на свое вооружение, но сделал все для того, чтобы «освободить» его от «либеральных», «демократических» благоглупостей, ибо стальной кулак диктатуры пролетариата не нуждается в перчатках. Не это ли заставило патриарха марксизма в России Г.В. Плеханова вскоре после разгона Учредительного собрания констатировать в своей последней статье: «Тактика большевиков есть тактика Бакунина, а во многих случаях просто-напросто Нечаева»{52}.

Мы слишком забежали вперед. Но выяснение предтечи самого крупного российского революционера XX столетия показывает: Владимир Ульянов, еще подходя к порогу века, уверовал: опираться нужно на все и всех, если это ведет к цели.

Открытие марксизма

Чем пленил Владимира Ульянова марксизм? Почему чтение широкого спектра различной экономической, философской и социологической литературы в конце концов задержало его взгляд и мысль именно на марксистской литературе? Здесь могут быть разные объяснения. Но, по моему мнению, сильный интеллект молодого Ульянова, располагающий уже весьма богатой научной информацией, искал одну, универсальную, все объясняющую схему человеческого бытия. И вот где-то накануне 1889 года (тогда семья жила в Казани) в его руки попал первый том «Капитала» К. Маркса.

Можно представить, какое впечатление на вчерашнего недоучившегося студента с завышенными ожиданиями произвел этот труд своими цельностью и основательностью. Для Ульянова это могло быть озарением. Я не касаюсь исторической «проверки» марксизма и его «безгрешности», а говорю лишь о масштабах охвата этим учением бытия. Гегель однажды проныцательно заметил, что «даль несет притягательный интерес...»{53}. Для молодого человека с радикальным мироощущением исторические дали и перспективы завораживали воображение, подводили, казалось, вплотную к решению вечных и «проклятых» вопросов справедливости, свободы, равенства, ликвидации гнета и эксплуатации. Здесь самое время сказать, кто приобщил Ульянова к марксистской литературе.

Когда Владимира Ульянова исключили из университета, в Казани среди части интеллигенции был известен Николай Федосеев, очень молодой марксист, с высокой эрудицией, убежденностью, смелыми суждениями. Ульянову довелось с Н.Е. Федосеевым встречаться только раз, почти десять лет спустя, когда оба направлялись в сибирскую ссылку.

Ю.О. Мартов вспоминал, что эта встреча произошла в Красноярске. Выходя из тюрьмы для следования к местам ссыльного поселения, писал позже Мартов, мы «не забрали своих пожитков, а на следующий день явились за ними в тюремный цейхгауз с телегой, которую,

кроме возчика, сопровождал Ульянов в качестве... якобы хозяина телеги. Одета в шубу купецкая фигура Ульянова показалась часовым подходящей для извозопромышленника, и они нас пропустили. В цейхгаузе же мы потребовали у надзирателя вызова Федосеева, как «старосты» политиков, для сдачи нашего имущества. Таким образом, пока мы извлекали и нагружали свое добро, Ульянов и Федосеев могли беседовать...» {54}.

Но мы забежали вперед. Ленин обязан Н.Е. Федосееву непосредственным приобщением к марксизму тем, что последний свою работу по революционному просвещению будущих социал-демократов начал с составления подробных списков-программ: что читать и на что обратить особое внимание. Н.В. Валентинов на основании ряда достоверных источников сообщает, что Ленин в беседе с Горьким во время их встречи на Капри в 1908 году об указателе Федосеева, попавшем в его руки, отозвался с величайшей похвалой. «Лучшего пособия в то время никто бы не составил». Валентинов утверждает, и не без оснований, что работа Федосеева «открыла Ленину путь к марксизму» {55}.

Ленин не часто отзывался о ком-либо с похвалой, тем более многократно. Н.Е. Федосеев оказался тем человеком, который помог Ульянову сориентироваться в дебрях политической литературы. Подробный, аннотированный «каталог» Федосеева канализировал интеллектуальные интересы Ульянова как раз в том направлении, к чему было готово сильное мышление молодого человека. Не случайно первой заметной работой Ульянова стал его реферат «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», более похожий на развернутую рецензию книги В.Е. Постникова «Южнорусское хозяйство» {56}. Реферат несет печать гимназического подражания Марксову анализу. Работа содержит весьма мало собственных идей, и не случайно «Русская мысль», куда Ульянов направил свой первый крупный труд, без колебаний его отвергла. Более удачна большая статья-реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках». Ульянов уже прямо противопоставляет «народническое и марксистское представление» о развитии капитализма в России, по сути, подходя к вопросу: как вместо «критически мыслящей личности» выдвигается «класс» и безличная историческая необходимость. Общественного резонанса реферат совсем не имел, ибо был не опубликован, а лишь зачитан на собрании студентов-марксистов в Петербурге осенью 1893 года. Ульянову польстило, что студенты-технологи С.И. Радченко, В.В. Старков, А.К. Запорожец, Г.М. Кржижановский, А.А. Ванеев, Л.Б. Красин и другие весьма похвально отнеслись к его сообщению.

Ленин продолжал работать в направлении федосеевских советов, хотя скоро вышел далеко за рамки казанского каталога. Судя как по ранним, так и по ряду поздних работ, в марксизме его пленили две главные идеи: о классах и классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Можно сказать, что никто из теоретиков марксизма так не «развил» эти идеи, как Ульянов (Ленин). Хотя Маркс почти ничего и не говорил о диктатуре пролетариата. Ленин не ограничивается многочисленными комментариями и пересказываниями сути этих феноменов, данных Марксом и Энгельсом, но и сам формулирует «классические» определения. Обращаясь в одной из работ к деревенской бедноте, Ульянов вопрошает: «Что такое классовая борьба?» — и отвечает: «Это — борьба одной части народа против другой, борьба массы бесправных, угнетенных и трудящихся против привилегированных, угнетателей и тунеядцев, борьба наемных рабочих или пролетариев против собственников или буржуазии» {57}.

Вероятно, Ленин, как и тысячи мыслителей, революционеров, бунтарей до него, попадает в историческую ловушку. Кажется, все просто: отобрать у собственников то, чего нет у обездоленных, разделить все «справедливо» и... жизнь пойдет по-другому. Вечный мираж! В одной из ранних своих статей «Класс и человек» Николай Бердяев проницательно заметил: «Классовая борьба — первородный грех человеческих обществ». Великий русский мыслитель рассуждает: «Много раз в истории восставали народные низы, пытаясь смести все иерархические и качественные различия в обществе и установить механическое равенство... Но класс есть количество. Человек же есть качество. Классовая борьба, возведенная в «идею», закрыла

качественный образ человека... Так идея класса убивает идею человека. Это убийство теоретически совершается в марксизме...»{58} Он еще не знает, что убийство, массовое, беспощадное, будет совершаться не только теоретически...

Будучи жрецом классовой магии и диктатуры одного класса над другим, Ульянов, естественно, свое восприятие марксизма не мог осуществить иначе как в борьбе с романтизмом народничества. В одной из своих ранних работ «От какого наследства мы отказываемся» Ульянов справедливо критикует народников за их неприятие капитализма в России и идеализацию крестьянской общины{59}. В критике Н.К. Михайловского – виднейшего теоретика либерального народничества голос Ульянова уже приобретает оттенки, которые скоро станут характерными и определяющими: «вздор», «клевета», «пустяковинная выходка». Безапелляционность тона «защитника» марксизма часто подменяет аргументы. Во многих работах Ульянова, доказывая, обосновывая, подтверждая «необходимость» диктатуры пролетариата, не пытается задуматься над элементарным вопросом: разве совместима справедливость (а марксизм лелеет эту главную идею!) с диктатурой? По какому праву один класс безоговорочно командует другим? Можно ли с помощью диктатуры достичь приоритета главной ценности – свободы? Союз рабочего класса и крестьянства при диктатуре пролетариата просто бессмыслица... Само по себе равенство прав и обязанностей – хорошая идея. Но пользуются этими правами и исполняют свои обязанности люди по-разному.

Но эти вопросы не волнуют молодого Ульянова. Марксизм с самого начала принят им окончательно и бесповоротно. Соглашаясь с действительно научной основой анализа экономического базиса общества, Ульянов ни разу не подверг сомнению социально-политическую концепцию марксизма, основанную в конечном счете на насилии, ставке на силовое разрешение любых противоречий в интересах одного класса. Встретившись и приняв марксизм, молодой социал-демократ не засомневался в исторической порочности и ограниченности силовой методологии созидания нового общества. Не случайно, что, когда он станет вождем, в руках которого будет сосредоточена вся полнота власти, предметом его постоянной и особой заботы станут ЧК, ГПУ, другие карательные органы диктатуры пролетариата.

Знакомясь с протоколами Политбюро ЦК РКП(б), в заседаниях которого принимал участие В.И. Ульянов (Ленин) после октябрьского переворота, с горечью убеждаешься: нет почти ни одного совещания этого органа, где бы не рассматривались меры по ужесточению диктатуры пролетариата, а фактически диктатуры партии, расширению полномочий карательных органов, узаконению террора, проявлению особой заботы о сотрудниках этой новой касты неприкасаемых, классовая «чистота» ее рядов и т. д.

Так, на заседании Политбюро 14 мая 1921 года при активной поддержке Ленина было принято решение о расширении прав ВЧК «в отношении применения высшей меры наказания»{60}. По инициативе главного марксиста в России то же Политбюро в январе 1922 года делает дополнительный шаг в укреплении карательной функции диктатуры и обеспечения «классовой линии» в обществе путем образования Государственного политического управления (ГПУ). Главная задача – борьба с контрреволюцией с использованием широчайшего набора средств физического и духовного насилия. Не забыли и о судах: «В состав суда вводить лиц, выдвигаемых ВЧК»{61}, узаконивая тем самым беззаконие.

А как должны действовать органы диктатуры (а ведь это главное звено в доктрине марксизма!), Ленин не раз демонстрировал сам. Когда пришла шифровка о том, что пленен барон Унгерн, один из руководителей белогвардейских отрядов в Забайкалье, Ленин в августе 1921 года лично сам внес на рассмотрение Политбюро (фактически высшего органа «пролетарской диктатуры») вопрос «О предании суду Унгерна». Естественно, возражений не было; ведь рядом с ним сидели такие же якобинцы, как и он сам: Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сталин и Молотов. Обсуждения тоже не было, ведь все с самого начала было и так ясно. Ленину лишь осталось продиктовать постановление Политбюро как высшего партийного трибунала: «Добиться

солидности обвинения, и если доказанность полнейшая, в чем не приходится сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять»{62}.

В этой фразе в форме ужасного гротеска виден конечный смысл формул «неизбежности классовой борьбы» и «очищающей роли диктатуры пролетариата». В «полнейшей доказанности», конечно, «не приходится сомневаться», а посему суд «провести с максимальной скоростью». Но зачем суд, если уже приговор Политбюро вынесен: «расстрелять»... Но в том-то и дело, что в той системе, дальние истоки которой начали теоретически осмысливаться Ульяновым еще в конце прошлого века, вопросы задавать некому... Вопросать, а тем более сомневаться или, упаси боже, оспаривать решение тех, кто действовал от имени «диктатуры пролетариата», было смертельно опасно.

Иной читатель может сказать, что в моих рассуждениях нарочитая упрощенность и вульгаризация сложных проблем. Допускаю. Но теоретические рассуждения вообще безобидны до тех пор, пока они не облачаются в политическую тогу. Не свершись октябрьские события, мы сегодня о В.И. Ульянове знали бы не больше, чем о Викторе Адлере, Эдуарде Бернштейне, Н.К. Михайловском, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановском, С.Н. Южакове... Но в книге речь идет о человеке, который смог в максимальной мере использовать исторические обстоятельства и осуществить самый грандиозный и беспощадный эксперимент в человеческой истории. Этот эксперимент в огромной мере отражал то, что открыл молодой волжанин в «Капитале», десятках других работ прародителей марксизма, опирался на те устои в сознании, которые Ульянов создавал сам, творя российскую модель «научного социализма».

Николаю Евграфовичу Федосееву, при всем богатстве его молодого интеллекта, не могла, конечно, даже прийти в голову сумасшедшая мысль, что тот человек с «купецкой фигурой в шубе», с которым он лишь один раз накоротке поговорил во дворе тюремного двора, станет главной фигурой в истории XX века. Переписка будущего вождя русской революции с Федосеевым, отзывы, которые слышали близкие об этом человеке, не оставляют сомнения в том, что, казалось бы, мимолетное влияние молодого марксиста стало решающим, хотя внешне и незаметным, толчком, подвинувшим Ульянова в жесткую колею революционного мировоззрения. Не случайно печальная весть о самоубийстве после третьего ареста Федосеева в Верхотенске повергла Ленина в неподдельную печаль. Смерть ссыльного была окрашена в тона романтической трагедии: узнав о кончине Федосеева, его невеста Мария Гонфенгауз, находившаяся на принудительном поселении в Архангельске, с которой В. Ульянов был лично знаком, тоже покончила с собой. Ленин не раз вспоминал, и весьма тепло, о молодом социал-демократе, сыгравшем в его судьбе, по-видимому, весьма большую духовную роль. Горький писал, что Ленин, когда речь однажды зашла о Федосееве, оживился, стал с воодушевлением говорить о том, что, если бы он был жив, «наверное, стал бы выдающимся большевиком»{63}. Собеседнику Горького, видимо, даже не могла прийти крамольная мысль: социал-демократ мог стать и меньшевиком.

Для Ленина марксизм означал прежде всего одно явление: революцию. О ней он мог читать, слушать, писать бесконечно. Когда чета Ульяновых в 1902–1903 годах жила в Лондоне, Ленин не любил посещать знаменитые лондонские музеи (за исключением Британского музея, где его привлекали не уникальные экспонаты, а библиотека). Крупская вспоминала: «В музее древности через 10 минут Владимир Ильич начинал испытывать необычайную усталость, и мы обычно очень быстро выметались из зал, увешанных рыцарскими доспехами, бесконечных помещений, уставленных египетскими и другими древними вазами. Я помню один только музейчик, из которого Ильич никак не мог уйти, – это музей революции 1848 года в Париже, помещавшийся в одной комнатухе, – кажется, на... rue des Cordillieres, – где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок»{64}.

Уже первое знакомство с марксизмом привлекло Ленина революционностью, основанной на солидном экономическом фундаменте. Ленин впитывал идеи и постулаты марксизма

как убежденный прагматик. Его мало интересовали ранние Маркс и Энгельс с их гуманистическими исканиями. Он был в упоении от стихии классовой борьбы.

Ленин еще в молодости твердо уверовал в то, что социальный вопрос не может решаться на гуманистической основе.

На пороге века, когда молодой Ульянов, встретившись с марксизмом, с упоением окунулся в мир его категорий, законов, принципов, легенд и мифов, он с благоговением относился к Г.В. Плеханову. Может быть, и потому, что черпал в его трудах идеи Маркса, освобожденные от чисто «западного» видения исторической эволюции. Молодой Ульянов был очарован появившейся на российском книжном рынке работой Н. Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В литературно-политической биографии А.Н. Потресова Борис Николаевский так пишет о значении этого труда Плеханова: «Книга составила целую эпоху в истории российского марксизма. Бельтов принес, наконец, с горы Синая десять заповедей Маркса и вручил их русской молодежи – такой несколько напыщенной фразой откликнулся на книгу один из молодых эмигрантов-социал-демократов С. Ганелин, – эта фраза как нельзя более характерна для впечатления, произведенного книгой на широкие слои молодежи. Русская интеллигенция, – и в первую очередь студенческая молодежь, которая в те годы составляла авангардный отряд революционной армии, – писал Николаевский, – по этой книге познакомилась с неискаженным революционным марксизмом» {65}. Этого, раннего Плеханова Ульянов почитал. Например, изучая фундаментальную работу Плеханова о Чернышевском, Ленин с удовлетворением отмечает преклонение Плеханова перед пролетариатом и, наоборот, констатацию им глубокой рутинности русского крестьянства. В памяти Ульянова навсегда остались слова Плеханова о том, что «Чернышевский не упускал случая посмеяться в своих статьях над русскими либералами и печатно заявить, что ни он, ни вся крайняя партия не имеют с ними ничего общего. Трусость, недалёковидность, узость взглядов, бездеятельность и болтливая хвастливость – вот отличительные качества, какие он видел в либералах...». Здесь каждое слово созвучно умонастроению Ульянова, с презрением, а порой и ненавистью пинавшего «презренных либералов».

Ленин не мог не отметить, что Г.В. Плеханов эпиграфом к своей книге о Чернышевском взял его слова из письма к жене, написанного в Петропавловской крепости 5 октября 1862 года: «Наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям, и будут вспоминать о них с благодарностью, когда уже не будет тех, кто жил с нами» {66}. Думаю, что слова Чернышевского были также внутренне близки Ульянову. Он не был тщеславен и честолюбив, он просто *верил* в свою историческую миссию... Работы Плеханова еще больше сблизили молодого революционера с Чернышевским и окончательно подвигли к Корану социал-демократов – трудам Маркса.

В дальнейшем, однако, дороги Плеханова и Ленина разошлись. Считают почему-то, что главный пункт расхождений – организационные вопросы. Думаю, что это производное. Главное, в чем разошелся Ленин с Плехановым, вступив в век XX, – это отношение к свободе. Уже в конце XIX столетия Ульянов, как и Чернышевский, видел главных врагов рабочего класса в либерализме и так называемом экономизме. По мысли Ленина и его последователей, именно либералы и «экономисты» уводят трудящихся от политической борьбы. Именно либерализму и «экономизму», составляющим ключ демократических преобразований, в конце концов не оказалось места в том марксизме, который исповедовали Ленин и большевики. Вот почему он до конца дней с симпатией относился к «раннему» Плеханову и открыто враждебно к «позднему», тому, кто назвал курс Ленина в 1917 году «бредовым». Интересно, что, когда в апреле 1922 года возник на Политбюро ЦК РКП(б) вопрос о печатании Плеханова, Ленин настоял, чтобы патриарха марксизма в России издали только в одном томе сборника, куда включили лишь ранние, «революционные работы» {67}.

«Позднего» Плеханова Ленин не любил, а пореволюционного – ненавидел. Думаю, что Плеханов раньше других «раскусил» Ленина. Он понял суть и опасность его линии. Так, в своей статье «Комедия ошибок», опубликованной в «Дневнике социал-демократа», в февральском номере за 1910 год, Плеханов, отвечая М.А. Мартынову, между делом исключительно глубоко характеризует Ленина как сторонника «тактики бланкистов народовольческого типа. Только Ленин мог додуматься до того, чтобы «спрашивать себя, на какой месяц должны мы назначить вооруженное восстание...». Ленинские проекты, суть которых сводится лишь «к захвату власти», Плеханов назвал «утопией» {68}. Патриарх марксизма в России раньше других рассмотрел опасный радикализм ленинских устремлений как высшую самоцель. И мы знаем, что, когда власть оказалась в руках Ленина и его партии, они быстро и полностью забыли многие из своих лозунгов и обещаний (об Учредительном собрании, свободе слова и печати, союзах с другими социалистическими организациями и т. д.). Власть для Ленина была целью и средством решения всех его утопических предназначений.

Ленин, впитывая марксизм через прямое изучение трудов основателей учения, «поглощает» идеи, которые могут вписаться в его собственную «обойму», самых разных авторов и теоретиков: Плеханова, Михайловского, Ткачева, Бакунина, Туган-Барановского, Струве и других мыслителей. Прочел даже книжку Парвуса «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис», написанную автором в 1898 году. Ленин не знал еще, что этот человек сыграет неожиданно и весьма конфиденциально большую роль {69}. Вероятно, это является сильной чертой: способность осмыслить и под влиянием собственных «ферментов» усвоить, «переварить» и ассимилировать те или другие идеи в свои взгляды. Но Ленин никогда не смог интегрировать в собственное мировоззрение идеи либералов (воспевающих цивилизованную свободу!), «экономистов» (желающих конкретного процветания людей труда), западных демократов (считающих ценностью первой величины парламентаризм). Так что «открытие марксизма» Владимиром Ульяновым было как у классового дальтоника: он видел и принимал лишь то, что хотел видеть и принимать. Даже Троцкий, который после октября 1917 года стал и остался до конца своих дней, как он пишет, «ленинцем», на заре века критиковал Ленина именно за отсутствие «гибкости мысли», умаление роли теории, что может в конечном счете привести к «диктатуре над пролетариатом» {70}.

Но уже в начале века, погружаясь мыслью в книжную ткань марксизма, Ленин проявил редкую враждебность ко всему тому, что не укладывалось в прокрустово ложе его представлений. В своем письме А.М. Горькому из Женевы в феврале 1908 года по поводу философской работы Богданова (с которым он тогда был довольно близок) Ленин пишет: «Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем». Дальше – в том же духе: прочитав «Очерки по философии» – «прямо бесновался от негодования». Его «бесило», что большевики могут черпать учение о диалектике «из вонючего источника каких-то французских «позитивистов»... {71}

Еще на грани веков Ленин уверовал в свою теоретическую безгрешность, если это касается оценки его оппонентов. Но его марксизм явно однобокий, бланкистский, сверхреволюционный. Как человек с «истиной в кармане», писал Виктор Михайлович Чернов, «он не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы, свойственным всякому индивидуальному духовному творчеству. Напротив, здесь он был доступен чисто азиатской идее: сделать печать, слово, трибуну, даже мысль – монополией одной партии, возведенной в ранг управляющей касты» {72}.

Где бы Ленин ни находился: в горах Швейцарии, парижском кафе, Британской библиотеке, на вилле у Горького, он мог сколько угодно говорить, а главное, спорить о марксизме, его революционной сущности.

Маркс и Энгельс были теоретиками. Ленин их учение превратил в катехизис классовой борьбы. Как отмечал А.И. Куприн: «Для Ленина Маркс – непререкаем. Нет речи, где бы он не

оперся на своего Мессию, как на неподвижный центр мироздания. Но, несомненно, если бы Маркс мог поглядеть оттуда на Ленина и на русский сектантский, азиатский большевизм, – он повторил бы свою знаменитую фразу: «Простите, месье, я не марксист».

Ленин «открыл» марксизм как символ и Библию освобождения людей от эксплуатации человека человеком и преклонения перед социальной справедливостью. Однако еще в самом начале, когда молодой Ульянов рассматривал лежащий в туманной дымке целый континент марксизма, он больше думал о власти на этом материке, чем о свободе от нее. То, что хотели увидеть либералы, экономисты, демократы в марксизме, для него казалось абсолютной ересью. Покоренные ослепительной святостью этого человека, мы долгие десятилетия видели то, что нам показывали. А показывали нам, в сущности, ленинский большевизм как разновидность российского якобинства и бланкизма.

Вечно только прошлое. В его тенях и призраках всегда хранится много тайн. Но там же немало и отгадок.

Надежда Крупская

В узком семейном кругу Владимира Ульянова были в основном женщины: мать, сестры, жена, мать жены. При отсутствии собственных детей и в силу особого отношения к нему в семье с детства, Ульянов был постоянно в эпицентре женской заботы родных.

Российские социал-демократы «женским вопросом» занимались в основном в рамках облегчения социального положения женщины в обществе. Нравственные грани политических программ были размыты, подчинены прагматическим интересам текущего момента. Когда-то в своих «Элементах идеализма в социализме» В.И. Засулич заметила, что у марксизма нет «официальной системы морали»^{73}. Пролетариат и все, кого мы называли социалистами, ценили прежде всего солидарность и преданность идеалам. Да и сам Ленин в своей знаменитой речи на III съезде РКСМ сформулировал духовное кредо людей новой формации: нравственно все то, что служит делу коммунизма.

Мы все (включая, естественно, и автора книги) видели в этом тезисе мудрость высшего порядка, не желая понимать, что такой подход глубоко аморален. При помощи его можно оправдывать любые преступления против человечности и самые тривиальные политические злодеяния. И оправдывали. Не только в полночь сталинской эпохи (конец тридцатых годов), но и в более ранние и более поздние времена.

...Дзержинский в ноябре 1920 года докладывал Ленину, центральным властям: «Сегодня прибыли в Орел из Грозного 403 человека мужчин и женщин казачьего населения возраста 14–17 лет для заключения в концлагерь без всяких документов за восстание. Принять нет возможности, ввиду перегруженности Орла...»^{74} Ленин не возмутился, не пресек, не остановил преступление в отношении «мужчин и женщин 14–17 лет»... Оставил лаконичное: «В архив». Конечно, можно сказать, впрочем, и говорят, что «время было такое», что надо «смотреть на вещи в контексте исторической обстановки» и т. д. Нет, все это далеко не так. Есть универсальные и вечные категории Добра, Справедливости, Свободы, которые были «в цене» всегда. Аполлогетика насилия как универсального средства решения социальных и политических проблем, взятого большевиками на вооружение, диктовала подобные решения: «В архив».

У этих людей, решавших судьбы миллионов, тоже была личная, «частная» жизнь. Как у людей интеллигентных (если речь идет о вождях русской революции), она была обычной, либерально-спокойной. Правда, поздний социал-демократический большевизм внес в семейную жизнь немало ханжества и лицемерия. Считалось нравственным вмешательство партийных органов в семейные дела, но осуждались в основном поступки, которые были «на виду». В общем, часто руководствовались правилом мольеровского Тартюфа: кто грешит в тиши, греха не совершает. И хотя официально осуждалось «непролетарское отношение к семье»,

нередко сами «судьи» (Троцкий, Каменев, Бухарин, многие другие) боролись печатно за крепость нового быта уже не с первыми в браке женами.

Главные беды в политике случаются не только от содержания интересов, но и от того, насколько крепок союз с моралью. Но, увы, политика редко соседствует с моралью. Судьба Ленина и его дела – наглядное (далеко не единичное) проявление. А.Н. Потресов, восемь лет встречавшийся с Ульяновым (1895–1903 гг.), а иногда, ведя с ним, как, например, в Мюнхене, молодым и начинающим, «почти совместную жизнь», смог сделать очень важные для понимания российского вождя выводы. Ленин, вспоминает Потресов, давно начал «отбор человеческого материала» и в конце концов «собрал много энергичных, смелых и способных людей, наградив их, однако, и недобрым качеством – моральной неразборчивостью, часто моральной негодностью и непозволительным авантюризмом». Далее Потресов пишет, что «болезнь и смерть избавили Ленина от печальной участи до конца расхлебать кашу... заваренную во славу того аморализма, который представлялся ему таким целесообразным...» {75}.

Но таким Ленин был в революционном деле. В семье – во многом другим. Тот же Потресов, набрасывая штрихи к портрету российского вождя социал-демократии, упоминает, что Ульянов был «в своей личной жизни скромный, неприхотливый, добродетельный семьянин, добродушно ведущий ежедневную, не лишенную комизма борьбу со своей тещей, – она была единственным человеком из его непосредственного окружения, дававшим ему отпор и отстаивавшим свою личность...» {76}.

В этом отношении Владимир Ульянов отличался от многих своих товарищей пуританской сдержанностью, уравновешенностью, постоянством. И если бы не знакомство в начале 1910 года и его связь на протяжении десяти лет с одной, яркой во многих отношениях женщиной-революционеркой, то вождь русской революции мог бы считаться просто образцовым мужем. А.И. Солженицын называет эту женщину «подругой Ленина» {77}. Этой темы мы еще коснемся в одной из глав, а сейчас скажем, что все супружество Владимира Ильича Ульянова (Ленина) было подчинено цели, во имя которой он жил: победе социалистической революции и завоеванию власти.

О Ленине написано много, но о личной жизни – крайне мало. Свидетельства его биографов, бесчисленные «воспоминания» о вожде, пересказывающие одну и ту же идею о земном Боге, ничего не сообщают о «сердечных» делах юного и молодого Ульянова. Складывается впечатление, что одержимость литературой, книгами, революционными мечтаниями отодвинула куда-то далеко-далеко чувства, влечения, которые в молодом возрасте занимают огромное место в жизни каждого человека. Ни раннего неудачного брака, ни бурных романов, ни увлечения «с первого взгляда», ни «несчастной» любви, что так необходимы для классического романа, в жизни Владимира Ульянова нет. Впрочем, все же нечто похожее на неразделенную любовь было.

Приехав в январе 1894 года в Петербург, Владимир Ульянов устанавливает довольно широкие легальные и нелегальные связи с марксистами города, руководителями некоторых социал-демократических кружков, заводит новые знакомства. Не будучи обремененным работой, Ульянов волен распоряжаться своим временем. Иногда к нему на квартиру (по Б. Казачьему переулку) приходят его новые знакомые, иногда он посещает различные собрания петербургских социалистов. В феврале этого же года на квартире инженера Классона состоялась встреча группы марксистов города. Кроме хозяина, в уютной гостиной собрались С.И. Радченко, Я.П. Коробко, С.М. Серебровский, В.И. Ульянов и две молодые девушки А.А. Якубова и Н.К. Крупская. Это была первая встреча Ульянова со своей будущей женой.

Однако при той, первой встрече Владимир Ульянов не выделил какую-то из подруг, возможно, отметив про себя их неподдельный интерес к вопросам борьбы социал-демократов с народниками. После той, памятной февральской встречи Ульянов довольно часто встречается с подругами, как вместе, так и порознь. Так, он довольно регулярно, обычно по воскресеньям,

стал наносить визиты в семью Крупских, живших на Невском проспекте. Надежда жила здесь вместе с матерью Елизаветой Васильевной. Ульянов узнал, что отец Надежды был военным, почитал Чернышевского и Герцена, даже был как-то связан с активистами тогдашней «Земли и воли», что не могло не сказаться на его служебной карьере. Из-за политической неблагонадежности офицер был уволен со службы и даже предан суду. После нескольких лет волокиты отец был все же оправдан, но лишен права занимать государственные должности. После его смерти Крупские перебираются в Петербург, где живут на пенсию за отца, а Надежда устраивается учительницей в воскресной вечерней школе за Нарвской заставой.

Мать готовила чай, молча слушая разговоры молодых людей о Плеханове, Потресове, Шелгунове, о работе молодого, но уже лысоватого гостя над какой-то книгой, о необходимости установить связи с европейской социал-демократией. Мы не знаем, понравился ли матери Надежды Константиновны ее будущий зять, но, как вспоминал А.Н. Потресов через два десятка лет в своем очерке «Ленин», Елизавета Васильевна Крупская до своей кончины вела себя весьма независимо по отношению к своему зятю, не останавливаясь перед прямолинейной критикой людей, не «занимающихся настоящим делом» {78}. Встречи продолжались, но, похоже, широколобного коренастого крепыша интересовали больше полемика с Н.К. Михайловским, рассказы В.А. Шелгунова о кружковой работе, беседы с А.И. Ерамазовым, встречавшимся с русскими политическими эмигрантами в Лондоне, Париже, Женеве...

Дело в том, что Ульянов встречался и с подругой Крупской Аполлиной Якубовой. Иногда они гуляли вдвоем, обсуждая местные политические новости. После ареста в декабре 1895 года Владимира Ульянова и других участников петербургского «Союза борьбы» Крупская и Якубова пытались добиться с ним свидания в доме предварительного заключения по Шпалерной улице. Желая их видеть, Ульянов пишет записку Н.К. Крупской (зашифровав) с просьбой, чтобы она и Аполлинария приходили вместе на Шпалерную в 2 часа 15 минут, тогда он сможет их увидеть в окно коридора во время прогулки {79}.

Трудно реставрировать личные отношения трех молодых социал-демократов, особенно после того как почти вековая «конспирация» этой сферы человеческого бытия почти полностью смыла слабые, эфемерные следы жизни многих людей. Правда, иногда такие «контакты» фиксировались и официальной историографией, но как? «Февраль 14 (26). Встреча Ленина с членом петербургского «Союза борьбы» А.А. Якубовой» {80}.

По свидетельству ряда солидных историков, и в частности Луиса Фишера, прожившего в России 14 лет, «Ленин неудачно сватался к Аполлине Якубовой, тоже учительнице и марксистке, подруге Крупской по вечерне-воскресной школе для рабочих. Аполлинария Якубова отвергла сватовство Ленина, выйдя замуж за профессора К.М. Тахтерева, редактора революционного журнала «Рабочая мысль».

Какое-то время Ульянов и Якубова поддерживали письменную связь, особенно после того как Ленин оказался в Мюнхене, а Аполлинария в Лондоне. Переписка, судя по публикациям, была весьма революционной. Правда, Ульянов между делом упомянул Аполлину об их «старой дружбе» {81}. Впрочем, Ленин и Якубова на своем жизненном пути еще не раз встречались, и в частности в Лондоне.

Есть ряд свидетельств, что еще до знакомства с И. Арманд у Ленина был роман с одной француженкой в Париже. В частности, когда работник Института Маркса – Энгельса – Ленина Тихомирнов встречался в 1935 году в Париже с Г.А. Алексинским по поводу ленинских документов, Алексинский показал письма Ленина одной писательнице весьма личного характера. Тогда эти письма приобрести не удалось. Где они сейчас?..

Но все это будет «потом»...

После ссылки Ленина в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции вскоре установилась письменная связь между ним и Крупской. В это время еще одна женщина, самозабвенно до конца дней своих любившая Владимира, – его мать Мария Александровна буквально засыпала

департамент полиции своими прошениями. «Ввиду слабого здоровья» сына она просит позволить ему ехать в ссылку за свой счет; затем обращается с просьбой разрешить задержаться ему в Петербурге; после этого – остановиться «из-за ее болезни» в Москве на одну неделю, затем продлить пребывание сына в Белокаменной... М.А. Ульянова продолжает настойчиво писать властям (с ведома сына); обращается к генерал-губернатору Восточной Сибири «о назначении В. Ульянову, ввиду слабого здоровья, местом ссылки Красноярск или один из южных городов Енисейской губернии». Поддерживает мать в этом натиске на царские власти и сам ссыльный; просит «ввиду слабости здоровья места ссылки в пределах Енисейской губернии, желательно в Красноярском или Минусинском округах» {82}.

И, представьте себе, все, буквально все эти просьбы власти «кровоавого царского режима» удовлетворяют без каких-либо оговорок!⁵ Когда сам Ленин придет к власти, то будет совсем другим даже по отношению к тем, с кем начинал «социал-демократическое дело» в России, кого хорошо знал. В своей записке Сталину от 17 июля 1922 года он предлагает без колебаний выслать с родины Потресова, Изгоева, Пешехонова, Петрищева, Розанова и «многих других». Нужно «представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно... Всех их вон из России» {83}. Да и вообще, «репрессии против меньшевиков усилить и поручить нашим судам усилить их...» {84}. В этой нескладной фразе Ленин еще раз выразил свое отношение к многим из своих коллег в начале века.

Как изменились взгляды социал-демократа! Куда «царским сатрапам»! Шушенское же было не больше как принудительным отдыхом... Ульянов считал нормальным «ввиду слабости здоровья» выпрашивать себе место поприятнее, благо и там никто ничем ссыльному не докучал: ни работой, ни режимом, ни какими-то особыми ограничениями... Многие ссыльные, направленные в Туруханск, например Мартов, не сочли нужным, помня о достоинстве революционера, молить о снисхождении и просить местечко получше... Тем более и при «болезненном состоянии» Ленин частенько ходил на охоту, увлекался длительными прогулками, а попросту весьма хорошо отдыхал и неплохо питался.

Я своими глазами видел жизнь не царских, а советских ссыльных (моя мать после расстрела отца была сослана и умерла в ссылке), когда люди буквально бились, чтобы выжить, уцелеть, спасти детей. Не всем это удавалось. Система, которая была создана после октября 1917 года, уникальна: люди сами строили себе тюрьмы, лагеря, чтобы их заполнить. Но даже те, кто буквально не попал туда, а формально был свободен, часто не могли сравнить свою жизнь с положением царских ссыльных, в частности, в Шушенском в конце прошлого века.

Ссыльные ездили друг к другу в гости, собирались на совещания, писали книги и программы, принимали родных и даже создавали семьи. В июле 1897 года, например, Владимир Ильич получил приглашение от своих ссыльных друзей В.В. Старкова и А.М. Розенберг (сестра Г.М. Кржижановского) на их свадьбу. Может быть, этот приятный случай активизировал переписку Владимира Ульянова и Надежды Крупской, также сосланной из Петербурга в Уфу?

В январе 1898 года Ульянов просит директора департамента полиции продолжить отбывание ссылки в Шушенском Крупской как своей невесты. Крупская пишет, что она сама «перепросилась в село Шушенское Минусинского уезда, где жил Владимир Ильич, для чего объявилась его «невестой» {85}. Переписка между будущими мужем и женой активизируется. Одна странная деталь: большинство писем Ленина к Крупской утрачены, не найдены. Письма же Надежды Константиновны будущему мужу оказались в большей сохранности. Может быть, Владимир Ульянов уже тогда уверовал в свое великое или, по крайней мере, большое будущее и сохранял все, относящееся к личному творчеству, перипетиям судьбы, в том числе и в форме эпистолярного жанра? Кто теперь скажет... Троцкий, например, тот сохранял даже пригласи-

⁵ Правда, когда М.А. Ульянова в августе 1897 года подала прошение: «...ввиду болезненного состояния перевести сына в Красноярск», просьба была отклонена.

тельные билеты, небольшие записки, телеграммы, фотографии, малейшие упоминания о нем в газетах... Ленин, возвращаясь, например, из Швейцарии, вез с собой даже малозначащие бумаги, черновики своих статей, планы речей и т. д. Он, наверное, верил, что станет любимчиком истории, и, как видит бог, не ошибся... Ленин не был тщеславным человеком, но уже в молодости знал себе цену...

В начале мая к Ленину в Шушенское, проделав немалый путь по железной дороге, на пароходе, лошаадьми, приехала Надежда Константиновна Крупская. Не одна. С матерью Елизаветой Васильевной, которая отныне будет сопровождать супружескую чету везде, куда ее забросит судьба, как любил говорить Ульянов, «профессионального революционера». Елизавета Васильевна, со слов самого Владимира Ильича, едва увидела Ульянова, тут же безапелляционно сказала:

– Эх вас разнесло!{86}

В письме к «дорогой мамочке» ее сын сообщал: «Н.К., как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит *немедленно* (sic!) в брак, то назад, в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать)...»{87}

Потребовались разные формальности. Ленин обращается к минусинскому окружному исправнику, а затем и к высшим должностным лицам Енисейской губернии о выдаче свидетельства, необходимого для вступления в брак. Но и в старой России, которая многим сегодня кажется вестибюлем рая, хватало всего и всякого, в том числе и самого забубенного чиновничьего бюрократизма. Почти два месяца ушло на «выправление» необходимых документов. Мать Крупской требовала, чтобы венчание было по всей форме. И хотя молодые (впрочем, Ленину уже исполнилось двадцать восемь лет, а Крупской на год больше) довольно давно стали на тропу безбожия, они были вынуждены подчиниться матери.

Владимир Ильич пригласил на свадьбу Г.М. Кржижановского, В.В. Старкова, других друзей из ссыльных. 10 июля 1898 года состоялась скромная свадьба, на которой свидетелями были простые крестьяне из Шушенского Ермолаев, Журавлев, жители этого села. Пришло поздравление с бракосочетанием и от Аполлинарии Якубовой, которая тоже за свое членство в «Союзе борьбы» была выслана в село Казачинское под Красноярском. Она и в ссылке не забыла о старых друзьях и иногда писала им письма.

Без пылкой любви и крутых романтических поворотов брачный союз двоих зрелых людей получился весьма практичным, спокойным. Не в пример матери, характер Надежды Константиновны оказался весьма покладистым, уравновешенным. Будучи человеком весьма недюжинного ума и трудолюбия, жена Владимира Ильича как-то сразу, без перехода, взяла на свои плечи роль помощника человека, в котором уже многие чувствовали хватку лидера.

Молодая семья переезжает с квартиры местного жителя А.Л. Зырянова к крестьянке А.П. Петровой. Работа над книгой «Развитие капитализма в России» пошла более споро. Ульянов между вылазками на реку, в лес, на охоту «поглощает» в огромном количестве экономическую, философскую, историческую литературу, которую по его заказу шлют ему мать, П.Б. Аксельрод, А.Н. Потресов. Именно здесь, в Шушенском, Ленин прочел книгу Парвуса (Гельфанда) «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис» на немецком языке.

Надежда Константиновна сразу становится «домашней», незаменимой при подборе материала, переписке отдельных фрагментов. Некоторые главы своих рукописей Ульянов читает Крупской, однако с ее стороны критических замечаний всегда мало. Для молодой женщины семья всегда связана не только с мужем, но и с детьми. Так было суждено, что этот брак оказался бездетным. Супруги никогда публично, даже с близкими людьми, не делились своей болью по этому поводу. Правда, Владимир Ильич в одном из писем к матери, когда они уже уехали из Шушенского, довольно прозрачно сказал о болезни жены (она в то время не была с ним в Пскове). «Надя, – писал Ульянов, – должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала

с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения, что она должна на 2–6 недель лечь. Я ей послал еще денег (получил 100 р. от Водовозовой), ибо на лечение понадобятся порядочные расходы...»{88} Позже, уже за границей, Крупская заболела базедовой болезнью, пришлось делать операцию. В письме матери Ульянов сообщал, что Надя «была очень плоха – сильнейший жар и бред, так что я перетрусил изрядно...»{89}.

В своих воспоминаниях Надежда Константиновна о семье пишет очень много. Иногда, косвенно, у нее прорывается внутренняя боль незавершенности личного счастья. Делает это она опосредованно, через описание житейского бытия других людей.

Крупская была весьма близка к В.И. Засулич. Вспоминая о ней, Надежда Константиновна писала, как Засулич тосковала, будучи одинокой, о семье. «Потребность же в семье у ней была громадная... Надо было только видеть, как любовно она возилась с беленьким малышом, сынишкой Димки (сестры П.Г. Смидовича)...»{90} В описании тоски В.И. Засулич о семье и детях явственно слышится и собственная боль.

В отечественной истории Крупская Н.К. заняла заметное место. Но... благодаря своему мужу, лидеру русской революции. Могут возразить: она сыграла и самостоятельную роль, посмотрите, в 1963 году завершено издание одиннадцатитомного (!) собрания педагогических сочинений Н.К. Крупской... Знакомство с многотомьем сразу же приводит к выводу, что все идеи о «коммунистическом воспитании» основаны на комментировании ее супруга, весьма тривиальны и не представляют подлинно научного интереса. Никогда это собрание сочинений не увидело бы света, не будь Крупская женой вождя. Но есть в ее творчестве и вещи, имеющие историческое значение. Речь идет о воспоминаниях, касающихся последних лет жизни В.И. Ленина (главным образом его болезни). Работа носит название «Последние полгода жизни Владимира Ильича». Будучи прочтенной вместе с воспоминаниями сестры Ленина М.И. Ульяновой, посвященными последним годам жизни Ленина, она дает наибольшее представление о трагедии вождя русской революции, приоткрывает завесу над многими ранее неизвестными деталями и обстоятельствами{91}. Хотя ни М.И. Ульянова, ни Н.К. Крупская в своих воспоминаниях не могли, не имели права сказать всего, что они знали.

Думаю, что молодая семья начинала жить без особой любви, тем более что Крупская вначале просто объявилась невестой Ульянова. Но годы сближали этих людей все больше. Ведь брак – это мост от одной души к другой. В жизни бывает всякое: этот мост может соединять людей или, наоборот, разъединять их. С годами Крупская становилась тенью Ленина; ее жизнь стала иметь смысл только в связи с этим именем. Это стало заметно очень скоро: Крупская уже не могла даже явно неблагоприятное «под рукой Ильича» рассмотреть...

Когда судьба занесла чету за границу, Крупская быстро приняла тот шатающийся-прогулочный режим, которого придерживался Ульянов. Впрочем, это говорю не я, об этом почти в каждом письме «дорогой мамочке» сообщает сам Владимир Ильич. Из Женевы он, например, пишет: «...все еще веду летний образ жизни, гуляю, купаюсь и бездельничаю»; из Финляндии: «Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего...» Из Франции: «Мы едем на отдых в Бретань, вероятно, в эту субботу...» Из Польши матери в Вологду: «Здесь совсем весна: снегу давно нет, тепло совершенно, ходим без калош, солнце светит для Кракова необычайно ярко, не верится, что это в «мокром» Кракове. Досадно, что приходится тебе с Маняшей жить в скверном городишке!»{92}

Как видим, некоторые «профессиональные революционеры» жили весьма недурно. За границей. Напрасно искать в советской литературе, на какие средства после смерти Ильи Николаевича существовала семья Ульяновых, члены которой могли позволить себе почти в любое время поехать за рубежи России, пожить в Германии, Швейцарии, Франции... Полтора десятка лет провел там и лидер большевиков. Каков был источник не только создания условий для политической, литературной, организационной работы, но и для «безделья»?

Денежные тайны

В духе большевистских традиций существовало правило: о партийном бюджете знала только верхушка партийного ареопага. Часто – только Генеральный секретарь. Миллионы коммунистов (после Октябрьской революции) исправно, в строго обязательном порядке платили свои взносы, но не имели ни малейшего представления, куда они идут. Да что коммунисты! Государство не ведало, как много средств понадобится партии из его бюджета на помпезные партийные представления в виде съездов, поддержку зарубежных компартий и нелегальных групп, а до 1943 года и на содержание Коминтерна. Считалось, например, совершенно нормальным ежегодно рассматривать в ЦК бюджет Коммунистического Интернационала.

Например, 20 апреля 1922 года на заседании Политбюро, на котором присутствовали Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сталин, Томский, Рыков, некоторые приглашенные партийные деятели, была принята смета Коминтерна на 1922 год в сумме 3 миллиона 150 тысяч 600 рублей золотом. С предложениями о финансировании ленинского детища члены Политбюро согласились без всяких прений, хотя на том заседании высшие партийцы решали еще непростые вопросы о государственных расходах: об уплате Польше контрибуции по Рижскому договору и выделении золота разведывательному управлению на особые цели^{93}. Правда, через неделю Политбюро по представлению Зиновьева «уточнило» смету Коминтерна и создало резервный фонд этой всемирной коммунистической организации, выделив для начала в него еще 400 тысяч рублей золотом. Обосновывая необходимость фонда, Зиновьев, в частности, доказывал, что нужно прямо сейчас отпустить не меньше 100 тыс. рублей золотом «на агитацию среди японских солдат»...^{94}

Так по воле партийного руководства уходили государственные деньги, валютные средства, созданные многими поколениями народа России. Никто и никогда не мог знать, особенно в сумерки сталинских лет, куда идут партийные (или государственные?) деньги. Но мы отвлеклись. Здесь автору хотелось лишь сказать, что страсть к финансовым тайнам родилась у большевистских вождей давно, еще в прошлом веке.

У людей, воспитанных, как я сам, не могло еще пятнадцать – двадцать лет назад даже возникнуть мысли: на какие средства Ленин жил до революции? Молодой Ульянов был зачислен в январе 1892 года помощником присяжного поверенного А.Н. Хардина. Он участвовал в считаном числе дел в качестве защитника, которые давали мизерные суммы, едва покрывавшие, по выражению В. Ульянова, «выборку судебных документов». Поручали же Ульянову, как правило, защиту лиц, уличенных в мелких кражах. Так, в 1892 году Ульянов выступает на заседаниях Самарского окружного суда в качестве защитника по делам о кражах, совершенных М.В. Опариним, Т.И. Сахаровым, И.И. Уждиным, К.Ф. Зайцевым, И.В. Красильниковым, Е.Я. Тишкиным, М.С. Бамбуровым... Неважно, шла ли речь о краже носильных вещей из сундука купца Коршунова или воровстве хлеба из амбара «богатея Коньякова», – дела эти, к которым изредка привлекался в качестве защитника молодой юрист Ульянов, прокормить его не могли. Но ведь в революцию 1917 года Ленин приехал 47-летним, зрелым человеком. Из них на поприще адвокатской работы он пробовал себя менее двух лет. А остальные годы? Каков был источник существования будущего вождя русской революции? Почему на протяжении десятилетий этой проблемы в историографии как будто даже не существовало?

Где-то в подсознании складывалось впечатление, что Ленин был вождем всегда, и вопреки «материалистическому пониманию истории» вопросы жизни, быта, существования этого человека не имели никакого значения по сравнению с мировыми проблемами революции, которые стала решать созданная им партия. Иконопись бытия этого человека позволяла использовать при создании портретов только цвета киновари, лазури, золота.

Наверное, первым, кто вторгся в эту сферу, пытаясь иконизированный образ вождя сделать земным, был Н.В. Вольский (Валентинов), который, опираясь на личное знакомство с В.И. Ульяновым, на основе многолетних скрупулезных исследований придал земные черты лидеру русской революционной социал-демократии, осветил те грани и стороны портрета вождя, которые официальная историография предпочитала держать в полумраке загадочной, иррациональной святости.

После смерти кормильца семьи Ильи Николаевича Ульянова его жена Мария Александровна, будучи вдовой действительного статского советника, кавалера ордена Станислава 1-й степени, стала получать на себя и детей пенсию в размере 100 рублей в месяц. Много это или мало? Достаточно сказать, что В.И. Ульянов, сосланный в Шушенское, на свое содержание от государства получал 8 рублей в месяц, которых хватало для оплаты жилья, простого питания, стирки белья{95}.

Могла ли вся семья, в которой почти никто не работал, безбедно жить на эту хорошую по тем временам пенсию, учиться, много ездить, в том числе и за границу? Сама держательница семейных средств три раза ездила за рубеж: в Швейцарию, Францию, Швецию (два раза с дочерью Марией). Кстати, сама Мария в общей сложности ездила пять раз за границу, порой находясь там весьма долго. Старшая дочь Анна тоже несколько раз путешествовала по Европе, пробыв однажды в Германии и Франции почти два года. Дороги, отели, питание, покупки, непредвиденные расходы, неизбежные в длительных поездках, требовали немалых средств для большей части семьи. Пенсией здесь не обойдешься. Хотя в различных публикациях А.И. и М.И. Ульяновых, как и Н.К. Крупской, подчеркивалось, что семья жила на пенсию матери и тем, что было «накоплено» еще при отце. А сколько написано о жизни Ленина, полной лишений, трудностей, нехваток? Все это не соответствует действительности. Впрочем, об этом пишет и сама Н.К. Крупская.

«Расписывают нашу жизнь как полную лишений, – вспоминала жена Ленина. – Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи эмигранты? Бывали такие, которые по два года ни заработка не имели, ни из России денег ни получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это правда»{96}.

Лишений Ленин ни в России, ни в ссылке, ни находясь в эмиграции не терпел. Он жил на средства матери (далеко не на одну пенсию), «партийное жалованье», пожертвования меценатов, иногда, реже, на литературные гонорары, которые не были частыми и крупными; ленинские работы, естественно, не пользовались коммерческим спросом.

Мать владела частью имения (не только дома) в Кокушкине. Имением, по согласию сестер, распоряжалась Анна Александровна Веретенникова, и свою, пусть не очень большую, долю Мария Александровна исправно получала. После продажи имения часть вырученных средств пополнила семейную казну Ульяновых. В феврале 1889 года Мария Александровна приобретает в Богдановской волости Самарской губернии хутор Алакаевка{97}. Посредничал при покупке М. Елизаров, будущий муж Анны Ильиничны. Семья стала владелицей 83,5 десятины земли, значительная часть которых не были пахотными. За хутор М.А. Ульянова уплатила 7500 рублей. Семья пыталась вначале организовать здесь и вести хозяйство, рассчитывая на Владимира. Действительно, в первый год приобрели кое-какую скотину, посеяли пшеницу, подсолнух, гречиху. Но скоро молодому Ульянову роль «управляющего» имением поднадоела, и он, как пишет Валентинов, «стал вести на хуторе беспечную жизнь «барина», приехавшего на дачу. В липовой аллее Алакаевки он с удовольствием готовился к сдаче государственного экзамена в Петербургском университете, изучал марксизм и написал свою первую работу – статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»{98}. Описывая в своих работах формы эксплуатации крестьян и земель, Ульянов, приводя многочисленные аргументы, критикует среди многих язов капитализма в деревне ростовщичество, аренду, «рождающую кулачество» и новые противоречия. Однако, когда собственный опыт хозяйствования не увлек Улья-

нова, семья предпочла сдать земли в аренду некоему Крушвицу. На протяжении нескольких лет арендатор платил за землю Ульяновым, существенно пополняя их семейный капитал.

Но, мне думается, была еще одна причина перехода к аренде земель хутора. В Алакаевке, где обосновывались на лето Ульяновы, крестьяне жили страшно бедно. Поволжье вообще отличалось нуждой крестьянства, и Алакаевка была горестным зеркалом удручающей бедности. Соседи хутора (34 двора) имели всего 65 десятин пахотной земли, почти столько, сколько принадлежало Ульяновым. Хозяйствование в обрамлении потрясающей нищеты, возможно, являлось нравственным вызовом начинающему марксисту, и он чувствовал духовный дискомфорт. Тем более что Владимир Ульянов однажды даже подал в суд на соседских крестьян, чей скот забрел на посеvy хутора. Однако это не мешало семье ежегодно бывать на хуторе, отдыхать здесь, напоминать Крушвицу о задолженностях и потихоньку стричь ренту. Затем семья все же решила за благо вернуть вложенные деньги и продать хутор. В архиве сохранился договор, составленный рукой Владимира от имени матери, о продаже С.Р. Данненбергу имения в Алакаевке в июле 1893 года{99}.

Мария Александровна, видимо, сочла более выгодным все имеющиеся деньги (в том числе и ту сумму, которую передал семье брат Ильи Николаевича) держать в банке, рассчитывая на проценты, которые позволяли в целом безбедно семье существовать. А работников в семье долго не было. Владимир, как мы указывали, быстро бросил юридическую практику. Анна, Дмитрий, Мария учились долго, не спешили выбрать какой-то род занятий, который бы приносил доход. Как указывает Валентинов, «деньги, положенные в банк и превращенные в государственную ренту, вместе с пенсией М.А. Ульяновой составили особый «фамильный фонд», которым очень умело в течение многих лет распоряжалась расчетливая мать Ленина. Все черпали из этого фонда: старшая сестра Ленина Анна, Ленин, младший брат Дмитрий и младшая сестра Мария. Богатства, как видим, никогда не было, но в течение долгого времени был достаток...»{100}.

Для Ульянова было естественным, например, в письме из Женевы к матери написать: «Надеялся, что Маняша приедет и расскажет, но ее приезд все откладывается. Хорошо бы было, если бы она приехала во второй половине здешнего октября: мы бы тогда прокатились вместе в Италию... Почему бы и Мите не приехать сюда?... Право, пригласи его тоже – мы бы великолепно погуляли вместе...»{101} Нет сомнений, что «великолепно погулять вместе» можно было при наличии определенного, существенного запаса средств, о чем, видимо, Ульянов хорошо знал.

Думаю, достаточно стабильная материальная обеспеченность Ульянова сыграла очень важную роль в его интеллектуальном развитии, возможности распоряжаться собой, свободно решать, где жить, куда поехать, чем заниматься. Если бы Ленин был «пролетарием», чего очень хотелось бы некоторым авторам, то его вес и значение как одного из лидеров российской социал-демократии были бы неизмеримо меньшими. У него не было бы времени на самообразование, литературный труд, партийные «склоки».

После начала второй эмиграции заметным источником существования Ульянова с Крупской стала партийная касса. Этот источник вообще никогда в открытой прессе документально не освещался. А он, этот источник, существовал. В своем письме матери Ленин упоминает, что продолжает «получать то жалованье, о котором говорил тебе в Стокгольме»{102}. К слову говоря, в обширной переписке, которую Ленин вел с матерью, сестрами, «финансовая тема» присутствует почти всегда. Главным образом в форме сообщений, что очередной перевод денег он получил... То и дело в письмах встречаешь: «деньги получил давно», «финансы получил, дорогая мамочка, и первые и вторые», «Анюту все забывал написать, что 340 р. получил...»,

«насчет денег – прошу перевести их мне сразу (деньги теперь мне нужны); лучше всего через банк, именно через Лионский кредит...», «пятьсот рублей, лежащих на книжке»⁶

⁶ Деньгами, «лежащими на книжке», ведала Анна, получая гонорары Ленина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.